ЗА СТЕНОЙ СТЕКЛЯННОГО ГОРОДА

АНТИУТОПИЯ

ЕЛЕНА МИТЯГИНА

Елена Митягина

За стеной стеклянного города. Антиутопия

«Издательские решения»

Митягина Е.

За стеной стеклянного города. Антиутопия / Е. Митягина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853729-5

Ария Вуд живет в единственном выжившем после Третьей мировой войны городе на Земле. Так говорит Совет.За стеной не осталось ничего живого, все уничтожила тотальная стерилизация. Но однажды Ария видит голубя, и ее представления о мире рушатся. От соседа-старика она узнает о том, что Стеклянный город на самом деле — рабская колония. Ария решается на побег, который полностью перевернет ее жизнь.

ISBN 978-5-44-853729-5

© Митягина Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 39

За стеной стеклянного города
Антиутопия

Елена Митягина

Дизайнер обложки Корогодова Елена

© Елена Митягина, 2017
© Корогодова Елена, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3729-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Я поднимаюсь с колен, вытираю грязные руки о фартук и выпрямляюсь, понимая, как сильно устала. Осторожно наклоняю голову назад и вперед, чтобы размять затекшие мышцы шеи, и слышу, как хрустят мои позвонки, от этого по коже пробегают мурашки. К тяжелой работе я привыкла и никогда не жаловалась. Я сама выбрала свой жизненный путь и ничуть не жалею, хоть иногда и бывает непросто.

Медленно и глубоко вздыхаю. От воздуха, наполнившего мои легкие, кружится голова, но мне хорошо. Рабочий день закончился, солнце наполовину скрылось за горизонтом, а это значит, что можно сбросить грязную форму, надеть чистое платье и отправиться домой. Сегодня я неплохо потрудилась и чувствую себя по-настоящему счастливой. Все восемь яблонь, за которыми я ухаживаю, освободились от своих плодов. Яблоки разложены по корзинам и деревянным ящикам и готовятся к отправке на овощебазу. Там их будут хранить до тех пор, пока запасы прошлого урожая не будут съедены. После этого всем жителям Стекляшки выдадут новые талоны, по которым они смогут получить новые продукты.

Вековая грязь под моими ногтями, кажется, уже никогда не отмоется. С этим приходится мириться, ведь в работе сельхозника, как и в любой другой, есть свои плюсы и минусы. Девочки, которые работают на швейной фабрике, постоянно ходят с распухшими и израненными пальцами. Почему-то не многим удается подружиться с иголкой. А поварихи из городской столовой нередко страдают из-за ожогов и порезов. Все мы работаем на благо нашего города, единственного живого места на планете. И ради поддержания его жизни нам приходится приспосабливаться.

Снимаю фартук и чистым концом вытираю лицо. Теплый ветерок приятно ласкает мою кожу, и я невольно улыбаюсь, наслаждаясь этим моментом.

– Ария, – слышу я свое имя, – ты хочешь оставить нас без ужина?

Из приятного забвения к реальности меня возвращает сестренка Эль.

– Уже иду, – отвечаю я, замечая улыбку на ее лице. Кажется, не у одной меня сегодня вечером хорошее настроение.

Вообще-то Эль мне вовсе не сестра, а, скорее, соседка. Но живем мы с ней вместе под одной крышей. А еще с моим папой Серафимом. Он – глава нашей маленькой семьи. Моя мама умерла при родах, я никогда ее не знала, родителей Эль казнили пять лет назад на городском совете. Девочка осталась круглой сиротой, и мой папа предложил ей жить с нами.

В Стекляшке – так мы зовем свой город, хотя у него нет официального названия – есть свои обычаи, правила и запреты, которые не следует нарушать. Если ребенок по тем или иным обстоятельствам остается без попечения родителей, его обязаны взять на воспитание родственники. Если же из родных у него никого больше нет, тогда сироту забирают соседи. В некотором смысле брать чужих детей даже выгодно. Ежемесячно Совет выдает каждому жителю Стекляшки талоны на еду. Нам полагается строгий набор определенных продуктов. Все, что мы производим на своих полях, в садах и на фермах, делится поровну между горожанами.

Каждому на месяц полагается по два килограмма мяса, одна курица, двадцать яиц, десять литров коровьего молока, десять буханок хлеба, три килограмма картошки, семь луковиц, по килограмму моркови и свеклы, пятьсот граммов овсянки и сто граммов меда. В этот список также входят фрукты и ягоды, но их выдают только в урожайные месяцы.

Новый член семьи приносит с собой пополнение в ее продуктовый бюджет, поэтому у нас не принято долго выбирать новых родителей для сирот. Соседи с готовностью распахивают свои стеклянные двери для бедного одиночки.

Эль протягивает ко мне свою руку и улыбается.

– Сегодня твоя очередь готовить ужин, помнишь? – спрашивает она.

В ответ я киваю. Рабочие торопятся домой, они проходят мимо нас, на ходу срывая с себя фартуки и перчатки, радостно что-то обсуждают и веселятся. Возбужденный гул разносится по всей округе. Но сейчас мне почему-то не хочется присоединяться к этому большому живому организму, частью которого я являюсь. Мне хочется замереть на одном месте, не думать ни о чем и просто насладиться закатом. Уже скоро красное солнце полностью скроется за зеленой стеной, и начнет смеркаться. Последние минуты уходящего дня сегодня для меня особенно приятны. И не потому, что закончился последний рабочий день на этой неделе и впереди нас ждет долгожданный выходной. Просто мне так хочется.

– Побудем здесь еще минутку? – прошу я сестру, но она недовольно закатывает глаза.

– Ария, ты здорова? – спрашивает Эль. – Впервые вижу человека, который не торопится домой с работы.

В ответ я снова киваю и обнимаю ее. Сестренка прижимается ко мне, и вместе мы смотрим вдаль. Когда красный диск окончательно пропадает с неба, ветерок становится прохладным и мой романтический настрой куда-то испаряется. Я замечаю, что в саду остались мы вдвоем, сельхозников и след простыл. Отделяться от толпы у нас не принято, и во избежание неприятностей нам следует поторопиться.

Вместе с Эль снимаем грязные рабочие фартуки и идем в сторону дома. Наш путь лежит вдоль высокой стены, опоясывающей город. Она плотно покрыта диким виноградником, и никто не знает, из чего она сделана и для чего здесь стоит. Поскольку в этом мире кроме нас, выживших, больше никого нет, она не выполняет защитную функцию, а просто является нашей границей. Говорят, что так принято. В старые времена все земные города были обнесены высокими стенами, и мы сохраняем эту традицию, отдавая дань прошлому.

Внезапно до меня доносится странный звук. Я замираю и инстинктивно дергаю за руку Эль, она останавливается. Вместе мы смотрим на заросли виноградника и замечаем у стены какое-то движение.

– Кто здесь? – дрожащим голосом спрашивает сестра пустоту.

Но ей никто не отвечает.

– Что это может быть? – шепотом спрашивает она меня. – Пойдем-ка отсюда.

Я чувствую, как сердце подступает к горлу от волнения, и не понимаю, что нужно делать. Бежать? Подойти к стене и посмотреть? Между тем странное движение в зарослях дикарки продолжается. Второй вариант не кажется мне разумным, поскольку жители Стекляшки должны соблюдать одно из важнейших правил: никогда не приближаться к стене. Плотно опутавший ее виноградник очень ядовит, и любой контакт с его листьями или плодами смертельно опасен для человека. Кроме того, если меня заметят, я попаду в немилость Совета, и кто знает, как они захотят наказать меня за непослушание.

С провинившимися у нас не церемонятся. За нарушение хотя бы одного правила из городского свода законов жителей Стеклянного города казнят. Каждый из нас с самого рождения знает, что такое смерть, поэтому редко кто осмеливается ослушаться. Однако мое любопытство впервые за семнадцать лет берет надо мной верх, и я медленно, не совсем понимая, что делаю, приближаюсь к стене. Осматриваюсь по сторонам, в надежде, что никто меня не видит, и шагаю вперед. Сзади раздается напуганный шепот Эль, но я игнорирую ее просьбы и не останавливаюсь.

В зарослях дикого винограда кто-то или что-то прячется. Листья сотрясаются от движений неизвестного существа. Это явно не человек, его размеры невелики, и хоть я не вижу, кого скрывают лианы, продолжаю подходить все ближе. Пытаюсь понять, как этот «кто-то» там оказался. Вероятно, бедняге уже не помочь, ведь ядовитые листья растения способны убить любое живое создание практически мгновенно. Оказавшись в полуметре от стены, сажусь на корточки и всматриваюсь в заросли. Мое внимание привлекает странное белое пятно, оно шевелится, но я все еще не понимаю, что передо мной. Опускаюсь на колени и подползаю к вино-

граднику почти вплотную. Мои пальцы уже практически дотрагиваются до трясущегося листа, когда сзади себя я слышу напуганный вопль Эль.

– Не надо, пожалуйста, – плачет сестренка. – Что ты делаешь, Ария?

Инстинктивно убираю руку подальше от виноградника. И в этот момент узник лиан освобождается из своего заточения, и ко мне под ноги вылетает белая птица. Отпрыгиваю назад, ошеломленно таращась на нее. Эль подбегает ко мне и садится рядом, прикрывая рот рукой, чтобы не закричать. Я не верю своим глазам, все внутри меня переворачивается. Это невероятно и просто невозможно. Но вместе с тем понимаю, что сестра тоже видит птицу, а значит, она реальна.

– Это же… Это голубь? – губы Эль трясутся от волнения и испуга.

– Прямо как на картинке, – шепчу я в ответ.

Перед нами мифическая птица голубь. О ней, а также о десятках других птиц и зверей, которые в прошлом населяли планету, мы читали в книгах дядюшки Олдоса. В школе нам редко рассказывают о том, каков был мир до Третьей мировой войны, уничтожившей все живое на земле. А наш добрый старый сосед Олдос любит рассказывать истории из древности, которые когда-то рассказывал ему его отец, а его отцу – его отец. Семья Олдоса – потомственные советники. Ее члены, а также члены еще нескольких семей управляют нашим городом. Поэтому дядюшке Олдосу позволяется иметь раритетные книги и вещи из довоенного времени, переходящие по наследству. Но вообще-то они под запретом.

Голубь смотрит на нас так же испуганно, как и мы на него. Судя по всему, он ранен, поскольку не пытается взлететь. Хотя, может, ему просто с нами интересно. Не смотря на то, что птица провела в зарослях ядовитого виноградника какое-то время, она все еще жива. Она вовсе не выглядит умирающей или тяжело больной. Ее белое оперение гладкое и чистое, единственное, что вызывает мои сомнения – нога птицы. Голубь поджал ее, а это, вероятно, говорит о том, что она повреждена.

Осторожно пододвигаюсь ближе к птице, но она вовсе не думает пугаться и не отстраняется. С замиранием сердца протягиваю к голубю руки, и он позволяет себя взять. Не сопротивляется. Эль смеется и гладит птицу. Невероятно. Раньше голуби жили на улицах городов вместе с воробьями, ласточками, чайками и другими пернатыми. Но теперь представить подобное соседство просто невозможно. Единственные птицы, оставшиеся в мире, – это курицы. Но они содержатся в специальных вольерах и не могут свободно перемещаться по Стекляшке. Вот так неожиданно на моих глазах ожило мифическое создание из прошлого.

– Что это у него на лапке? – спрашивает Эль, указывая на торчащую нитку.

При ближайшем рассмотрении замечаю, что к ноге птицы привязана веревочка. Мысли в голове путаются, дыхание сбивается, я понимаю, что голубь, скорее всего, прилетел из-за стены. А это значит, что снаружи тоже есть жизнь. Кто и зачем привязал нитку к ноге голубя? Было ли это посланием? Мне вспомнились рассказы Олдоса о почтовых голубях, которых активно использовали люди с середины прошлого тысячелетия для передачи сообщений друг другу.

В школе нам говорили о том, что во время Третьей мировой войны вымерли все животные, птицы и насекомые. Это случилось из-за использования климатического оружия, созданного для погодных атак на непослушные страны. На людей насылалась засуха, выжигавшая урожай, смертельные ливни, смывающие все на своем пути, жуткие морозы, от которых было не спастись, смерчи, ураганы, землетрясения и прочие беды. Сейчас эти слова для нас практически ничего не значат, мы не знакомы с подобными явлениями. Погода в нашем единственном выжившем городе всегда одинаковая. Температура не поднимается выше двадцати пяти градусов днем и не опускается ниже двадцати градусов ночью. Все это тоже заслуга климатического оружия.

Аккуратно снимаю веревочку с лапки птицы, в это время Эль держит голубя. Он по-прежнему спокоен, словно бывать в руках человека для него – обычное дело. Осматриваю птицу и прихожу к выводу, что на ней нет ровным счетом никаких повреждений. Яд виноградника удивительным образом не подействовал на голубя. Не могу понять, почему? Возможно, птицы и люди имеют разную чувствительность к этой заразе. Или же…

Стараюсь отогнать от себя дурные мысли о вселенском заговоре, но они продолжают лезть в мою голову. Что, если виноградник, опутывающий стену, вовсе не ядовит? За всю историю Стеклянного города не было ни одного человека, погибшего по вине ядовитых лиан. Мы боимся подходить к стене и трогать дикий виноград, поскольку знаем, что он опасен. Однако никаких подтверждений его ядовитости нет. Может, нас просто запугали?

Неожиданно голубь вырывается из рук Эль, делает над нами круг в воздухе, взмывает вверх и исчезает за стеной. Мы с сестренкой растерянно смотрим друг на друга, не в состоянии произнести ни слова. Чувствую, как горло сковывают спазмы, в глазах темнеет, мне хочется отправиться вслед за птицей, перемахнуть через стену и узнать, куда она направляется. Но это невозможно. В стене нет, и никогда не было ни дверей, ни лазов, а забраться вверх по лианам, даже если они и не опасны, не представляется возможным – стена слишком высокая, и если упасть с нее вниз, можно разбиться. Безумие.

На руку падает белое перышко голубя. Аккуратно беру его двумя пальцами, рассматриваю, убеждаюсь, что оно настоящее и все произошедшее – не сон, и прячу его в кармане рабочей формы. Мы с Эль договариваемся, что пока не будем никому рассказывать об увиденном, и бежим домой. Если мы не поторопимся, можем проворонить наступление комендантского часа. С этим у нас строго. Поэтому никто, никогда и никуда не опаздывает. И все всегда соблюдают правила. Иначе можно попасть в немилость к Совету. И тогда тебя могут отправить на казнь.

У нас вообще принято казнить всех, кого не лень. И это действительно страшно. Но такова реальность. В целом, жизнь в Стекляшке не такая уж и плохая, если учесть, что за пределами ее вообще ничего нет, и другой жизни мы не знаем. Горожане должны выживать, и для этого просто необходимо соблюдать строгие правила. Все боятся нарушать их. Нам говорят, что запреты созданы исключительно для блага общества. Благодаря им мы живем в спокойствии и гармонии друг с другом. Время от времени находятся люди, случайно или умышленно идущие против правил. Виновника обязательно наказывают за непослушание. Если преступление, совершенное им, серьезно – кража или препятствование общественным интересам, провинившегося казнят. Его убивают у всех на глазах или прилюдно высекают. Казни проходят раз в год в один и тот же день, и очередной такой день будет завтра.

В школе нас учат преданности, самопожертвованию и честности. Каждый из нас – часть живого организма, который должен расти и развиваться общими усилиями. Мы должны быть чисты перед обществом, не совершать преступлений против человека и имущества, много работать и помогать друг другу. А еще мы должны быть благодарны Совету за свою жизнь. После окончания войны наших предков, единственных выживших людей на земле, собрали в этом городе, и дали им новую жизнь. Стекляшка строилась долго и мучительно, и сегодня мы продолжаем делать все возможное, чтобы выжить и дать жизнь новому поколению людей. Когда-нибудь они заново населят планету.

Совет говорит, что казнь необходима для очищения нашего города от недостойных граждан, способных разрушить устоявшийся мир и порядок. Если бы не ежегодные профилактические «чистки», город давно бы погрузился в хаос, созданный человеческими слабостями.

Раз в месяц для всех людей устраивают городской праздник. Мы собираемся в парке у маленького озера, дети поют песни, в столовой по случаю масштабного пикника готовят вкусные пироги, варят компот из сезонных фруктов и ягод, члены Совета выступают перед жителями города с отчетами о том, каких успехов достиг город за прошедшие тридцать дней.

Рассказывают, сколько малышей родилось, кто и от чего умер, сколько было собрано урожая и заготовлено запасов на черный день. Нас им нередко пугают. С ужасом думая о голодных временах, мы работаем усерднее, стараясь обеспечить свое будущее достаточным количеством провизии.

Раз в год в том же городском парке мы собираемся на казнь. Всех, кто в течение года нарушил установленные Советом правила, ждет наказание. Никто не знает, кого именно в этот день ждет смерть, и это самое ужасное. В течение года за нами бдительно следят члены Совета и охранники. Они записывают все наши провинности, после чего злостных нарушителей лишают жизни, а мелких проказников прилюдно высекают прутьями. Раз в год на казни убивают от одного до пяти человек. И столько же примерно получают памятные шрамы от публичной порки. Вот почему мы так боимся попасть в немилость к правителям.

Старый дядюшка Олдос рассказывал о том, что во времена, когда на планете жило семь миллиардов человек, с преступниками и провинившимися поступали более гуманно, нежели сейчас. Людей не убивали, а заключали в специальные обособленные лагеря, которые они не могли покинуть. Их называли тюрьмами. В некоторых странах смертная казнь существовала, но со временем ее упразднили, посчитав не гуманным занятием. Правда, этот мировой гуманизм так и не смог обеспечить спокойной и счастливой жизни на планете. Третья мировая уничтожила почти сто процентов населения земного шара, и лишь несколько тысяч человек, оказавшихся в наиболее безопасном месте, все же смогли уцелеть. Именно они и стали основателями Стеклянного города. Стекляшки.

Пять лет назад родителей Эль казнили за то, что они тайком припрятали для нее еду. Они, как и мы, работали сельхозниками. Отец трудился на огородах, выращивал овощи, мать следила за вишневыми деревьями. По сути их убили за горсть вишни и свежий помидор. До сих пор, вспоминая об этом, я чувствую, как сжимается мое сердце. Эль никогда не говорит о своих чувствах, и я стараюсь не напоминать ей о прошлом. Все, кто когда-либо лишился близких, в тайне ненавидят Совет. Но мы не можем открыто говорить об этом. И причина здесь та же: мы боимся последовать за теми, кто ушел навсегда.

Список того, что нам запрещается, не слишком длинный, и каждый из его пунктов мы выучиваем наизусть в раннем детстве. Каждый день ученики в школе перед началом уроков хором произносят жизненно важные запреты вместе с учителем. Жителям Стеклянного города строжайше запрещается нарушать комендантский час. Он начинается в двадцать три часа и заканчивается в семь утра. Работаем мы с восьми часов. Город небольшой, обойти его можно пешком по диагонали меньше чем за час, поэтому утром времени нам хватает, чтобы не торопясь прогуляться до работы, поздороваться с соседями и обсудить дела насущные. Рабочий день завершается с заходом солнца. Оно скрывается за горизонтом около восьми вечера. Оставшееся до комендантского часа время мы можем делать все, что душе угодно: гулять в городском парке, ходить друг к другу в гости, играть в игры на свежем воздухе, посещать различные кружки. Но чаще всего мы очень устаем, и просто идем отдыхать в свои стеклянные квартиры.

Про запрет подходить близко к стене я уже рассказала. Он не слишком нас беспокоит, никто никогда не пытался совершить самоубийство и дотронуться до ядовитого виноградника. А вот следующий пункт в нашем списке многим не нравится. Большинство из нас хотело бы изменить этот странный устой. Но опять же мы вынуждены молчать о своих недовольствах, иначе можно стать новой жертвой на ежегодной казни. Жителям Стекляшки воспрещается иметь частную жизнь. Никаких занавесок, отгородок и заслонок. Стены в наших домах стеклянные, как и полы, и потолки, и крыши. Все прозрачно и все видно. Разве что туалетные комнаты оборудованы неким подобием полустен. Метровая в высоту пластина из затемненного стекла отгораживает отхожее место от чужих глаз. Но свои глаза скрыть невозможно.

Все жилые дома в городе расположены в одном секторе. Каждый имеет пять этажей, на каждом уровне по пять прозрачных квартир. На сегодняшний день в Стекляшке живет

пять тысяч и три человека. Подавляющее большинство работает в сельском хозяйстве. У нас есть пахари, сеятели, хлеборобы, овощеводы, садоводы, агрономы, животноводы, птицеводы и другие рабочие, занятые выращиванием продовольствия для города. Всех принято называть одним обобщенным словом: сельхозники.

Оставшиеся горожане работают на швейных фабриках и в обувных мастерских, выращивают хлопок и лен для одежды, из которых шьют костюмы, укрощают электричество, трудятся в городской столовой, лечат больных в лазаретах, учат детей в школах и организовывают досуг горожанам, обслуживают городские коммунальные сети и так далее. Мы гордимся тем, что создали свою маленькую цивилизацию со сложной, но легко управляемой системой. И у нас много умельцев, справляющихся с возникающими бытовыми трудностями.

Пока мы с Эль бежим в сторону нашего жилища подальше от того места, где видели птицу, я нервно оглядываюсь по сторонам, словно преступник, боящийся наказания. Вдали виднеются спины рабочих, возвращающихся домой. Мы пытаемся нагнать их и прибиться к толпе, чтобы не вызвать подозрения у охраны, хотя ничего особенного и не произошло. Но я нервничаю и боюсь, что это будет заметно остальным. На воре и шапка горит, как говорит Олдос.

Внезапно из-за высоких кустов голубики выскакивает Питер, мальчик, который по непонятным причинам меня недолюбливает. При виде его я сразу же понимаю, что эта встреча не принесет нам ничего хорошего.

– От кого бежим? – с ехидной ухмылкой спрашивает он.

Питеру семнадцать, как и мне, но он младше меня на месяц. Раньше, когда нас не было даже в помине, наши мамы дружили, но их теплые отношения почему-то не передались детям. Я против Питера ничего не имею, но он из раза в раз норовит меня задеть и ужалить побольнее. Он часто ко мне цепляется без причины, в детстве любил придумывать разные обидные прозвища и обзывательства. Но теперь я не обижаюсь. Думаю, у него это просто вошло в привычку.

– Не твое дело, – отвечаю я. – Пропусти.

Но Питер и не думает уходить с дороги. Я беру сестру за руку, и мы пытаемся обойти внезапно возникшую перед нами преграду, но преграда двигается синхронно вместе с нами и начинает раздражать.

– Чего тебе? – спрашиваю я, недовольно скрестив руки на груди.

Питер продолжает улыбаться. Его глаза блестят хитростью и мне это не нравится. Пытаюсь не потерять самообладание и глубоко вздыхаю. Ответа долго ждать не приходится.

– Что вы делали у стены? – спрашивает он. – Я видел вас.

– Что ты видел? – напугано спрашивает Эль.

– Вы мне скажите, – продолжает он свою игру.

– Я не понимаю, чего тебе нужно, – резко отвечаю я.

– Почему вы оторвались от толпы? – не унимается он.

– Любовались закатом.

– И все?

Я начинаю терять терпение, вновь хватаю Эль за руку и грозно надвигаюсь на Питера. На шаг он отступает в сторону, но все еще стоит на моем пути. Демонстративно задеваю его плечом и прохожу мимо, оставляя его позади.

– Вы что-то задумали? – Питер идет следом за нами, не отставая, и продолжает сыпать вопросами.

– Отстань, пиявка, – возмущенно бросает Эль. – Это наше дело.

В ответ Питер лишь смеется.

– Свое дело? – повторяет он. – В Стекляшке нет такого понятия. И если у вас появились тайны, я вынужден сообщить об этом Совету. И у вас будут неприятности.

Мы продолжаем идти, не реагируя на его угрозы. Взглядом я показываю Эль, чтобы она молчала, ведь это самый действенный способ избавиться от Питера. Игнорирование его злит больше всего на свете. И я это выучила с раннего детства. Наша преграда остается позади, я слышу, как он недовольно бурчит себе что-то под нос.

– Он ничего не видел, – говорю я сестре, когда мы оказываемся рядом с людьми. Мы в безопасности. – Ничего не бойся.

Эль кивает, и вскоре мы подходим к дому. Сегодня моя очередь готовить ужин. Возможно, папа уже ждет нас, надеюсь, он не очень голодный и не будет ругать нас из-за небольшой задержки. Наша квартира расположена на пятом этаже, она угловая, поэтому от ближайших соседей нас отделяет лишь одна стена и стеклянный пол. Остальных мы видим через стеклянные стены других домов, стоящих почти вплотную к нашему и друг к другу. С жильем нам повезло. Утром сквозь прозрачный потолок проникают пробуждающие солнечные лучи, они заливают всю комнату, придавая нам бодрости и заряжая позитивом. Ночью, засыпая, мы любуемся звездами, рассыпанными на бескрайнем черном небе. Когда нас с Эль мучает бессонница, мы пытаемся сосчитать их, но у нас это никогда не получается. Наверное, звезд на небе гораздо больше, чем порядковых номеров, которые им можно присвоить. А еще иногда мы наблюдаем луну. Она необычная. Когда она полная, можно увидеть ее лицо: глаза, нос и рот. Если хорошенько присмотреться.

Жильцы нижних этажей не видят столько солнечного света, сколько мы, поэтому мы с особенной теплотой относимся к нашей квартире. Наш ближайший и единственный сосед через стену – старый дядюшка Олдос. С ним нам тоже повезло. Ему так много лет, что он и сам забыл, когда родился. По крайней мере, он всегда так говорит. Мы с Эль очень любим Олдоса, и наши чувства взаимны. Олдос является членом семьи потомственных советников. Сейчас он отошел от дел из-за своего почтенного возраста, и больше не управляет Стеклянным городом, как раньше. Бразды правления давно переданы его детям, которые вместе с другими потомственными управленцами вершат наши судьбы. У Олдоса трое детей, но знаю я только двоих – Каса и Валентина. О третьем сыне он никогда не рассказывает, тактично уклоняясь от ответов.

Наш сосед живет один, его жена давно умерла, дети живут вместе со своими семьями. Наверное, одиночество вещь не слишком приятная, и поэтому Олдос так любит возиться с нами, детьми, и рассказывать всякие были и небылицы из далекого прошлого. Честно говоря, понятие одиночества в Стекляшке людям почти не знакомо. И даже если ты живешь один, остаться наедине с собой можешь разве что в мыслях. Поблизости всегда кто-то есть. Как в муравейнике. Правда, муравьев я никогда не видела, и могу судить о них лишь по рассказам нашего доброго дядюшки.

Олдос говорит, что наш образ жизни похож на образ жизни муравьев. Это такие насекомые, которые с самого рождения трудятся на благо своей огромной семьи. Они работают, не покладая своих лапок, как мы, и у них, как и у нас, есть своя четкая иерархия во главе с королевой. У нас королев и королей несколько.

– Принято считать, что матка муравьев является ключевым звеном в муравьиной семье, но это не так, – говорит Олдос. – На самом деле, главную роль в жизни муравейника играют рабочие муравьи. Именно они распоряжаются жизнью своей королевы, кормят ее и всячески угождают. Только от них зависит жизнь матки. Никогда не забывайте об этом.

Олдос нередко в своих рассказах упоминает муравьев. Порой мне кажется, что он на что-то намекает, потому что его глаза становятся хитрыми, когда он сравнивает наших рабочих с тружениками-муравьями.

Папа уже дома, как я и предполагала. Вместе с Эль проходим в квартиру и заводим традиционный вечерний разговор о том, как прошел день. Через стеклянную стену вижу Олдоса,

он приветливо машет рукой и жестом приглашает нас в гости. В ответ я киваю. Жду не дождусь, когда расскажу ему о голубе и покажу белое перышко, оставшееся у меня в кармане в качестве вещественного доказательства. Но сначала мне предстоит накормить семью.

Чищу несколько картофелин, отвариваю в старой кастрюльке до готовности, посыпаю высушенными травами и подаю к столу. Тонко режу хлеб и чищу луковицу. Это наш ужин. Пока я вожусь у плиты, папа с Эль разговаривают, она рассказывает ему о том, как прошел ее день, отец делится своими новостями с работы. Он у нас сотрудник овощехранилища. Это единственное место в городе, которое построено из затемненного стекла. Оно не пропускает солнечный свет и не просматривается со всех сторон, как остальные здания. Но проход туда строго воспрещен, его охраняют наши вездесущие стражи. Наверное, для того, чтобы люди не могли там уединяться. Попытки уединения пресекаются и строго караются Советом, как и попытки неорганизованных собраний. Любые массовые встречи должны согласовываться с градоначальниками, в противном случае активистам несанкционированных сборищ грозит наказание. Никаких тайн. Никакой частной жизни. Только общественная.

Садимся за стол и я замечаю, что у отца грустные глаза. Его что-то тревожит, но он старается не показывать своего волнения. Эль этого не замечает, но я вижу.

– Все в порядке? – спрашиваю я папу.

– Конечно, – отвечает он, не раздумывая.

– Выглядишь странно.

– Просто устал.

Он улыбается и кивает в подтверждении своих слов.

– Ешь, не то остынет, – укорительно говорит он.

Я послушно опустошаю свою тарелку, кусочком хлеба собираю остатки картошки и отправляю в рот, стараясь жевать долго и медленно. Мы редко наедаемся досыта, люди привыкли экономить еду. И только в последний день месяца перед получением новых продуктовых талонов мы устраиваем настоящий пир из всего, что осталось в закромах. Родители учат своих детей жевать пищу долго, не торопясь. Так она лучше усваивается, да и чувство насыщения приходит гораздо быстрее.

Когда с едой, наконец, покончено, убираю тарелки со стола, мою посуду, и мы с Эль идем к Олдосу, который нас уже ждет. В квартире этажом ниже живет еще один наш хороший друг, шестнадцатилетний Виктор. Он, я и Эль считаем себя лучшими друзьями, и на традиционные вечерние посиделки к Олдосу всегда ходим вместе. Виктор работает слесарем, он чинит водопроводные коммуникации в нашем городе. С раннего детства он любил возиться с различными железками, а в десять лет, когда стал полноправным взрослым человеком и пополнил ряды рабочих Стекляшки, его научили возиться с ними уже профессионально.

Виктор смотрит на меня сквозь стеклянный пол, и я машу ему рукой, кивком показывая, что мы с сестрой отправляемся к Олдосу. Через минуту мы встречаем Виктора у нашего соседа и вечер сказок и правдивых историй из далекого прошлого начинается. Олдос как всегда расплывается в улыбке и предлагает нам ароматный кипяток с кусочками засушенной вишни. Это наш с Эль самый любимый напиток.

На улице уже стемнело, до отбоя еще целый час, мне очень хочется рассказать дядюшке о таинственной белой птице из-за стены, но я почему-то медлю. Сестра замечает мое волнение и дергает за руку.

– Скажи ему о голубе, – шепчет она.

Я нервно сглатываю и кладу руку в карман платья, где лежит перышко. Сердце готово вырваться из груди, моя нервозность доходит до предела. Чувствую, как темнеет в глазах, пульс отдается в ушах. Я должна это сделать. Олдос, Виктор, Эль и я сидим за круглым столом в центре стеклянной комнаты. Оглядываюсь по сторонам, пытаясь разглядеть, чем заняты соседи,

и с облегчением замечаю, что на нас никто не смотрит. Все заняты своими делами, и не обращают никакого внимания на детей, пришедших в гости к старому члену городского Совета.

Олдос замечает мое странное поведение, открывает рот, чтобы что-то спросить, но я не даю ему этого сделать, и обрушиваю на него свой неожиданный вопрос. Он и для меня оказывается неожиданным.

– За стеной есть жизнь? – выпаливаю я, и все взгляды моментально устремляются на меня.

Я сказала это тихо, довольно тихо, чтобы быть уверенной, что никто из соседей меня не услышал. В наших прозрачных квартирах неплохая слышимость. По ночам до меня нередко доносится храп соседа с первого этажа. Но разобрать отчетливо слова можно, только если громко прокричать их.

– Ария, – удивленно хлопает глазами Олдос. Я замечаю, как наморщился его лоб. Он инстинктивно окидывает взглядом комнаты соседей. Думаю, он тоже не хочет, чтобы этот разговор стал доступен общественности. – Конечно же нет, с чего ты взяла?

В этот самый момент подозрения о вселенском заговоре окончательно и бесповоротно поселяются в моей душе. Дядюшка Олдос заметно нервничает: его рука подрагивает, когда он поднимает стакан с ароматным кипятком. Он делает несколько долгих глотков, не сводя с меня глаз, словно обдумывает свой следующий ответ. Пальцы второй руки отбивают мерный ритм по поверхности стола. Когда он это замечает, то прячет свою руку. В моей крови бурлит адреналин.

– Голубь, – хриплю я, затем прочищаю горло и повторяю. – Я видела белого голубя.

Эль кивает, глядя на Виктора с гордостью. Она тоже его видела. Глаза Олдоса округляются еще больше.

– Но это невозможно, – шепчет он. – Тебе просто показалось. Все птицы и звери давным-давно вымерли.

Вынимаю из кармана руку, сжатую в кулак, и кладу на стол. Бросаю беглый взгляд на соседей, убеждаюсь, что они по-прежнему увлечены собой, и разжимаю ладонь. Белое перышко, слегка потрепанное от моих тереблений, предстает перед глазами Олдоса и Виктора. От неожиданности наш старый сосед хватается за сердце и ахает.

– Спрячь, – шепчет он на одном дыхании.

Кладу перо на стол и накрываю его салфеткой, но его кончик все еще выглядывает из-под нее, сообщая нам о том, что оно реально.

– Где ты его нашла? – взволнованно спрашивает Олдос.

– У стены, – отвечаю я.

– Ты приближалась к ней?

Я киваю. Ожидаю услышать гневные назидания в свой адрес, но Олдос почему-то смеется. Теперь наши удивленны взгляды устремляются на него.

– Ты трогала виноградник? – спрашивает он, все еще улыбаясь.

– Нет, но я трогала птицу, которая запуталась в лианах. Почему яд не убил ее? Он ведь мог перейти на мою кожу с ее перьев?

– Мог перейти, а мог и не перейти, – таинственно произносит Олдос. – Расскажи мне подробнее о голубе.

В воспоминаниях я вновь возвращаюсь к виноградной стене, к подозрительному шороху в лианах и неожиданному открытию. Вспоминаю свои чувства и эмоции, которые испытала в момент встречи с голубем. Старый сосед выслушивает меня очень внимательно, улыбка исчезает с его лица, когда я говорю о том, как птица взмыла вверх и скрылась за стеной.

– Так откуда он мог взяться? – спрашиваю я, окончив рассказ. – Олдос, вы ведь знаете другую правду, да?

Мои слова задевают дядюшку, и он устало закрывает глаза.

– Почему вы молчите? – продолжаю я допытываться. – Если есть что-то еще, расскажите нам. Умоляю.

Глаза Виктора бегают между мной и Олдосом, по его лицу я вижу, что он никак не поймет, что здесь происходит. У Эль вид более спокойный, но весьма любопытный. Она была свидетелем тех событий у стены, и сейчас, как и я, желала услышать откровения нашего старого друга и учителя. Олдос открыл глаза. Он смотрит на меня и молчит. Чувствуется, что внутри он борется с собой. Он явно знает больше, чем мы, но почему-то не торопится рассказывать.

– Вероятно некоторые виды птиц, а, возможно, и животных, возродились, – говорит он задумчиво.

– Но как это могло произойти, если после войны все живое было стерто с лица земли?

– Не знаю, – он пожимает плечами и отводит взгляд.

– Значит, погибли не все особи? – продолжаю я. – И где-то там за стеной, возможно, есть и другие люди?

– Нет никаких людей кроме нас, – резко говорит Олдос. От его грубого голоса мы с Эль вздрагиваем. – Стеклянный город – единственное живое место на планете.

– Но почему вы в этом так уверены? – не унимаюсь я. – И если за стеной нет жизни, если за ней нет вообще ничего, почему по ее периметру круглосуточно дежурят охранники? От кого они нас защищают? Или от чего? С рождения нам твердят, что другого мира нет, что не существует больше ничего, кроме Стекляшки. Но откуда ни возьмись, вдруг прилетает голубь, мифическое создание из прошлого, уничтоженное чуть больше века назад вместе с остальным миром. А было ли оно вообще? Ах да, было! Вот же подтверждение!

Я хватаю белое перышко, салфетка, которой оно было покрыто, падает со стола на пол. Я вскакиваю со своего стула, движимая обидой и жаждой знаний, которые мне отказываются давать. С каждой секундой я все больше уверяюсь в том, что Олдос знает то, чего не говорят обычным людям. Он ведь член потомственной семьи советников. Они управляют городом, стоят у истоков его создания, и не исключено, что они обладают тайными знаниями, которые тщательно оберегают от чужих глаз и ушей.

Но Олдос. Наш верный друг. Наш учитель, наш лучик света в темном царстве безмолвия. От него мы узнали многое из того, чему не учат в школе. О прошлом. О войне. О том, как образовался наш город. Его рассказы нередко разнятся с официальной информацией Совета. Он говорит нам о чем-то, предупреждая, что мы должны скрывать это от других. И мы скрываем. Правду. Мы знаем немного больше, чем наши сверстники, чем большинство взрослых жителей Стекляшки. Не многим выпадает возможность дружить с потомственным членом Совета. И мы этим гордимся. У нас никогда не было тайн. Но сейчас моя вера в Олдоса дает трещину. Есть вещи, о которых он не хочет говорить. И это вещи не из прошлого, к которому, как ни крути, у нас нет доступа. Это наше настоящее. И к нему нас не хотят подпускать.

– Ария, – строго говорит Олдос. – Сядь на место. Ты привлекаешь внимание. Хочешь неприятностей?

Я немного успокаиваюсь и понимаю, что веду себя глупо и неуважительно. Виновато опускаю глаза и возвращаюсь на прежнее место. В центр стола кладу перышко, больше я не хочу его скрывать. Олдос берет голубиное перо двумя пальцами и внимательно его рассматривает. Затем подносит к носу и нюхает. Мы удивленно за ним наблюдаем.

– Это настоящее перо, – восхищенно вздыхает он.

– Олдос, – говорю я. – Что там за стеной? Вы ведь знаете, да?

Он встает со стула, подходит к полке и берет с нее старую потрепанную временем книгу. Затем возвращается к столу, открывает ее и наклоняется вперед, делая вид, будто что-то хочет показать. Мы следуем его примеру и кучкуемся. Наши головы оказываются в центре. Наверное, со стороны мы выглядим, как заговорщики.

– Я не имею права говорить вам об этом, – шепчет Олдос. – Если кто-то узнает о том, что я вам сейчас поведаю, меня убьют в тот же день. Так что если не хотите, чтобы я замолчал навсегда, я попрошу вас никогда и никому не рассказывать об этом. Я очень рискую, Ария. И если ты хочешь знать правду, ты должна раз и навсегда распрощаться со своим максимализмом. Пообещайте, что наш разговор никогда не выйдет за пределы этой комнаты?

Олдос кладет руку на стол ладонью вверх и напряженно смотрит на меня. Инстинктивно вкладываю свою ладонь в его, после этого Виктор и Эль накрывают мою кисть своими руками. Ручное объятье замыкает Олдос. Вторую руку он кладет поверх этой пирамиды и крепко сжимает. В его глазах тяжелая задумчивость и страх.

– Я обещаю, что никогда не выдам вас, – шепчу я.

– И я, – шепчет Ария.

– Я тоже, – вторит нам Виктор.

– Хорошо, – отвечает Олдос.

Наши руки размыкаются, и каждый возвращается на свой стул. Олдос показательно улыбается и мы, как и он, натягиваем на себя невозмутимые маски. Замечаю на себе взгляд папы из нашей квартиры. Выглядит он взволнованно. Машу ему рукой и подмигиваю. В ответ он делает неопределенный жест рукой и возвращается к своим делам. Бегло оглядываю остальных соседей и не замечаю никакой подозрительности. Это меня немного успокаивает, и я возвращаю свое внимание к нашей кулуарной беседе.

– Я буду говорить тихо, – произносит Олдос. – То, что вы услышите, вероятно, повергнет вас в шок. Но вы не должны выдавать свои эмоции, какой бы страшной не показалась правда. Улыбайтесь, делайте задумчивый вид, что угодно, но только не показывайте соседям свой испуг. Никакой паники, не теряйте самообладания.

– Мы поняли, Олдос, рассказывай уже, – перебиваю я, и сразу же ловлю его укоризненный взгляд.

– И будьте терпеливы, – отвечает он, хмуря брови.

Мне снова стыдно за свою несдержанность. Его слова о страшной правде меня пугают, но одновременно задорят. В глазах моих друзей замечаю неподдельный интерес.

– Я многое рассказывал вам о том, каким был мир до Третьей мировой войны, из-за чего все началось, как погибло население планеты и о том, как оставшиеся выжившие собрались в этом городе и начали возрождать жизнь с нуля. Не всё из моих историй было правдой. И есть вещи, которых детям лучше не знать. Никому об этом не стоит знать. Кроме Совета. Из года в год, из поколения в поколение мы вынуждены передавать людям ложные сведения об истории разрушения и воссоздания мира. Советники – узники своих знаний. Мы знаем слишком много, но вынуждены молчать. Наверное, пришло время поделиться с вами настоящей правдой.

Олдос глубоко вздыхает и улыбается. Мы следуем его примеру. Показываем случайным и неслучайным наблюдателям, что нам весело, что старый сосед забавляет нас своими безобидными байками. А в это время все внутри переворачивается.

– Война, уничтожившая в конце двадцать первого века большую часть жизни на планете, шла пятьдесят лет. Тогда миром правили деньги. Я уже рассказывал вам о них. Эти бумажки позволяли тем, у кого их было больше, владеть теми, у кого их было меньше. Богачи приумножали свое богатство, а бедные беднели. Однажды несколько самых богатых людей на планете повздорили. В борьбе за лидерство и мировое господство они развязали войну между странами. Каждый пытался отнять у иноземного противника больший кусок пирога, и в результате это привело к массовым волнениям и протестам среди простого населения. Они повлекли за собой голод, нищету, болезни и смертельные эпидемии. Вскоре мировое правительство – группа богатейших людей на планете – было вынуждено вновь объединиться, чтобы подавлять неутихающие гражданские бунты. Но люди, у которых денежные мешки отобрали все

до последней капли, продолжали бороться. Они шли против власти, и ей это не нравилось. Тогда богатеи начали применять различное оружие, в том числе и климатическое.

Олдос на секунду остановился, чтобы перевести дыхание, после чего продолжил рассказ.

– Они подчинили себе погоду и все природные стихии. Они насылали на бунтующие города и страны землетрясения и цунами, ужасные смерчи и природные пожары, уничтожающие все живое на своем пути. Большинство северных стран вымерло от адского холода в одночасье. Южные земли спалило нещадное солнце. Постепенно людей на планете оставалось все меньше. Животным, птицам и насекомым тоже пришлось несладко. После капитальной стерилизации – это был один из самых ужасных видов оружия массового поражения, к концу века в живых практически никого не осталось.

Олдос глубоко вздыхает и опускает вниз глаза. Берет в руки бокал с остывшим ароматным кипятком и делает глоток. Я уже слышала эту историю и не раз. Но снова и снова перед моими глазами возникают картины из того далекого прошлого и образы тех несчастных людей, ставших жертвами глупой денежной войны.

– Стеклянный город, в котором мы живем, был построен в самом конце войны. Он стал убежищем для всех, кто уцелел. Но дело в том, – дядюшка Олдос снова косится на соседские стены, – что наша Стекляшка – не единственный живой город на земле.

Из моего рта вырывается нервный смешок. Лицо Эль искажает изумление. Взгляд Виктора делается стеклянным. Кажется, никто из нас пока не осознает того, что нам только что рассказали. Я ожидала услышать нечто подобное. Я даже ждала этого откровения, но до последнего не верила в то, что такое возможно. И теперь мое сердце замерло в ожидании продолжения. Олдос натягивает улыбку, глазами напоминая нам, что пора поиграть на публику. Мы поддерживаем его и смеемся. Я улыбаюсь, как ни в чем не бывало, а в горле застрял нервный комок.

– Значит, это правда, – взволнованно шепчу я.

– Да, – кивает Олдос. – Но мы никогда не сможем говорить об этом открыто.

– Но почему? – спрашивает Эль. – Разве люди не должны знать о том, что не одиноки на этой планете?

– Что мир гораздо больше, чем нам говорят, – продолжает Виктор.

– Нет и еще раз нет, – отрезает Олдос. – Вы посвящены в эту тайну и обязаны хранить ее до последнего дня. Никогда не забывайте про свое обещание.

Мы переглядываемся и дружно киваем. Мы любим Олдоса и не хотим ему навредить, а это значит, что каждый из нас будет держать язык за зубами.

– Есть и другие города? – спрашивает Виктор.

– Один город, – отвечает Олдос. – Там тоже живут люди. Их гораздо больше, чем в Стекляшке. У них все немного иначе.

Олдос медленно глубоко вздыхает и также медленно и долго выдыхает. Словно раздумывает, стоит ли продолжать посвящать нас в эти тайны. Вероятно, он понимает, что без ответов мы не уйдем, поэтому продолжает.

– Вам будет тяжело это понять, но все же попытайтесь, – говорит он. – В нашем мире не все так просто, как хотелось бы. Главный город – так его называют в Совете, является нашим покровителем. Там живут члены мирового правительства, их семьи, а также ученые и изобретатели, лучшие умы, которые делают все возможное для возрождения жизни на планете. Элита. В своих лабораториях они пытаются восстановить то, что было уничтожено, разрушено, убито. Насколько я знаю, частично им это уже удалось, скорее всего, ваш голубь прилетел именно оттуда. Члены Совета вынуждены оберегать эту тайну до тех пор, пока власти не дадут отмашку. Когда это произойдет, стена Стеклянного города падет, и люди начнут вновь заселять планету. Но пока мы вынуждены оставаться в его границах, усердно работать и продолжать привычную жизнь.

Олдос улыбается нам, и на этот раз его улыбка искренняя, а не показательная. В его глазах я вижу мягкость и доброту. Я улыбаюсь ему в ответ. Наверное, получается у меня плохо. Никак не могу оправиться от шока, сейчас я просто не представляю, как смогу вернуться к привычной жизни, о которой говорит старый сосед. В одночасье моя планета сошла с орбиты и начала движение в обратном направлении. Чувствую, что меня подташнивает. Не могу произнести ни слова, хотя изнутри разрывают вопросы. Мне на помощь приходит Виктор. Он ошеломлен услышанным не меньше меня, как и Эль. Но они не подают виду и стараются выглядеть невозмутимо.

– Вы когда-нибудь были в том городе? – осторожно спрашивает Виктор.

– Ни разу. Это позволено лишь избранным членам Совета. Тем, кто следит за продовольствием, – говорит дядюшка.

Мы непонимающе переглядываемся.

– За продовольствием? – шепчу я.

– Большая часть урожая, который мы выращиваем здесь, отправляется в Главный город. Мы кормим его жителей, пока они занимаются подготовкой нашей планеты к возрождению, – отвечает Олдос.

От неожиданности опрокидываю бокал с вишневой водой себе на платье. В кружке оставалось меньше половины, поэтому можно сказать, что мне повезло. Скрываю свое недоумение и возмущение за очередным притянутым за уши смешком, что-то говорю о том, какая я неосторожная, вытираю юбку салфеткой и вновь возвращаюсь к своим открытиям. По мере поступления новой информации, мое сердцебиение учащается.

– Не может быть, – судорожно произносит Эль. Ее губы дрожат. – Если бы это было правдой, мы бы наверняка знали. Урожай с грядок и полей хранится на складах, в овощехранилище.

– Они бутафорские, – тяжело вздыхает Олдос.

– Что это значит? – спрашивает Виктор.

– Городская овощебаза – единственное место в Стекляшке, спрятанное за стенами из темного стекла. Туда не проникает солнечный свет, и нет доступа обычным людям. А все из-за того, что большую часть времени склады пустуют. Все знают о том, что там хранятся запасы еды для города, которые ежемесячно выдаются жителям по талонам. Но правда в том, что после очередного сбора урожая фрукты, овощи и зерно расфасовываются по мешкам и свозятся в Главный город. И лишь малую часть из того, что мы производим, можем оставить себе.

– Поэтому мы вынуждены жить впроголодь? – возмущенно выпаливаю я. Кажется, довольно громко.

– Ария, тише, – взгляд Олдоса вновь становится строгим, а голос суровым.

Мы оглядываемся по сторонам, и на этот раз я замечаю, что на нас с любопытством смотрят соседи снизу и сбоку. Мой отец подошел к прозрачной стене в нашей квартире и устремил на меня свой взволнованный взгляд. Сердце уже практически вырвалось из груди и упало на пол. Неужели я привлекла внимание? Ненавижу себя за несдержанность, но мое поведение сейчас вполне оправданно, хоть и неуместно. Несколько секунд в моем мозгу длится солнечное затмение, после чего появляются просветы, и я пытаюсь найти выход из сложившейся неловкой ситуации.

Ничего умнее, кроме как громко засмеяться, в голову не приходит. Поэтому открываю рот и хохочу от души, хватаясь руками за живот для пущей убедительности. Моему примеру через мгновение следуют Эль и Виктор. Наш смех настолько заразителен, что волна веселья захлестывает и Олдоса, и соседей, которые все еще пялятся. Ненавижу прозрачные стены. Ненавижу чужие глаза и уши. Ненавижу правду, которую только что узнала. Пытаюсь казаться счастливой, но в то же время ощущаю, как в душе появляются черные пятна.

– Получается, что мы рабы? – тихо говорю я, не убирая поддельной защитной улыбки с лица. Все внутри меня полыхает огнем ужаса. – Они используют наш рабский труд, паразитируя на этом?

– Мы не можем так говорить, Ария, – отвечает Олдос. – Все это делается во благо будущей жизни на земле.

Отчаянно пытаюсь вновь не сорваться на крик и подавляю душащий меня слезливый порыв.

– Нас убивают во имя жизни? – шиплю я. – Все эти казни, все запреты, все ограничения. Все это во благо? Вы и правда так считаете?

– Неважно, что я об этом думаю, – спокойно отвечает он. – Другой жизни у нас нет.

– Но это неправильно!

Олдос улыбается, но его глаза выдают скопившуюся в душе горечь.

– Многое в мире неправильно, Ария.

– Нас держат под колпаком, запугивают с самого детства. Мы думаем, что свободны, но это не так.

Взгляды Виктора и Эль поочередно перемещаются с меня на Олдоса.

– Зачем все эти казни? Чтобы мы не вышли из-под контроля? – не унимаюсь я. – Людей в мире по пальцам пересчитать, а Совет ежегодно истребляет их, словно не хочет, чтобы население разрасталось. Казнят за всякую ерунду, за все эти годы погибло множество невинных горожан. Родителей моей сестры убили за то, что они хотели накормить свою дочь, припрятали для нее горсть ягод. Главный город обеднел бы без нескольких вишен?

Эль грустно опускает вниз глаза и нервно растирает свои пальцы. Я вижу, как по ее щеке скатывается слезинка, которую она незаметно смахивает. При виде ее страданий мое сердце пронзает ядовитая стрела отчаяния.

– Жителей Стекляшки убивают по двум причинам, – произносит Олдос. – Жизни лишают тех, кто узнал закрытую информацию о реальном положении вещей, как мы с вами. Тех, кто может представлять опасность для Совета, кто может нарушить привычные устои и порядок нашей жизни. И тех, кто стал неугоден властям. Именно поэтому я умоляю вас молчать и не вызывать ни у кого подозрений.

Он делает глоток ароматной вишневой воды из кружки и продолжает.

– Родителей Эль казнили не за ягоды, – Олдос нежно гладит по голове сидящую рядом с ним девочку. – Это официальная версия для народа. Я знал Августа и Марию. Они были хорошими людьми, и однажды они стали неугодны Совету.

Глаза сестренки округляются от удивления.

– Им удалось проникнуть на склад и выяснить, что запасов продовольствия там нет. У них стали появляться вопросы. Они попытались докопаться до истины, но Совет пресек эти порывы на городской казни. Твои родители нашли дверь в стене, и за это поплатились своими жизнями.

– Значит, мама и папа погибли за правду, – молвит Эль.

Ее глаза сияют. В них появляется что-то вроде облегчения и надежды. И в этот миг, глядя на сестру, мне хочется зареветь.

– За правду, – повторяет Олдос ее слова.

– Так все-таки дверь существует? – спрашивает Виктор.

Дядюшка кивает, косясь на соседей.

– А виноградник на самом деле не ядовитый? – интонация моего голоса больше утвердительная, чем вопросительная.

На этот раз Олдос молчит.

– Почему вы не отвечаете? – хрипло произношу я.

Молчит.

Мы с Виктором настороженно переглядываемся.

– Олдос, – повторяю я.

Он резко меняется в лице, становится недовольным и нервно трет руками глаза.

– Ребята, я устал, – говорит он. – Думаю, нам пора закругляться.

– Не выгоняйте нас, – молю я.

На душе становится тревожно. Он встает из-за стола и начинает убирать кружки.

– Я зря вам все рассказал, – испуганно шепчет он. – Бес попутал старого дурака. Забудьте обо всем, что только что услышали, прошу вас. И, пожалуйста, никогда не вспоминайте. Ради своей же безопасности.

В этот момент на улице из громкоговорителей раздается традиционная вечерняя мелодия, сообщающая о наступлении комендантского часа. В течение десяти минут, пока она играет, люди должны закончить все дела и лечь в свои постели.

– Вам пора, уходите, – взволнованно просит он.

Мы поднимаемся со своих мест и спешно покидаем его квартиру. Через несколько минут я уже лежу в кровати. Отец выключает свет, его примеру следуют и остальные соседи. Когда мелодия заканчивается, город погружается во тьму.

Не знаю, сколько времени прошло с начала ночи, думаю, что новые сутки уже официально заступили на свой пост. Из стеклянных квартир доносятся глухие сонные звуки: храп, сопение, вздохи, бормотание. Я завидую этим людям, потому что сама уснуть никак не могу. Попытка пересчитать звезды на небе в очередной раз завершается неудачей. И не потому, что сделать это не под силу ни одному живому человеку, а потому, что сон упрямо игнорирует мои отчаянные зазывания.

Вместо того чтобы погрузиться в приятную дрему, лежу на спине и смотрю на луну. Сегодня она полная и особенно яркая. Лунный свет заливает комнату и квартиры соседей. Глаза давно привыкли к темноте, и возникшее на небе ночное светило добавляет каких-то волшебных бело-голубых красок нашему жилищу. Сквозь прозрачную стену в отдалении вижу кровать дядюшки Олдоса. Присматриваюсь и замечаю, что бессонница мучает не одну меня. Он ворочается и никак не может принять удобное положение.

Ночью Стеклянный город окутывает не только темнота, но и тишина. Все замирает, и приглушенные звуки, раздающиеся в квартирах соседей, становятся слышны отчетливее. Мы привыкли к такому коллективному сну, и никого не беспокоит чужой храп или лунатизм. Никого кроме меня. Сегодня чужие звуки не дают мне заснуть и выводят из себя. Впервые в жизни мне хочется встать с кровати, выйти на улицу и прогуляться. Вдохнуть свежесть теплого ночного воздуха, ощутить на коже легкий ветерок. Просто стоять посреди улицы в гордом одиночестве, задрать голову вверх и смотреть на небо. Стеклянные стены давят на меня все сильнее, мысли в голове путаются, я запрещаю себе думать о страшной тайне, что рассказал нам Олдос, предпочитая оставить тяжелые размышления до утра. Но тот факт, что мы не одни на нашей планете, и что вся моя жизнь – большой обман, не дают мне покоя.

До моего слуха доносится какой-то шорох. Приподнимаю голову и вижу крадущуюся ко мне на цыпочках сестренку. Отодвигаюсь к стене, освобождая ей место. Эль ложится ко мне в кровать и крепко обнимает. Я ощущаю ее всхлипывания.

– Мне страшно, Ария, – едва слышно шепчет она. – Я боюсь завтрашней казни. Что, если нас убьют?

Ее слова охлаждают кровь в моих венах. Мы накрываемся одеялом с головой, чтобы не быть услышанными.

– О чем ты? – стараюсь успокоить ее я. – Мы не сделали ничего плохого. Тебе не стоит волноваться об этом.

– А если Совет узнает о том, что Олдос проболтался нам о Главном городе?

– Не узнает, – уверенно шепчу я. – Мы никому об этом не скажем. И Олдос не скажет. В Викторе я тоже уверена, так что бояться нам нечего.

Какое-то время мы лежим молча. Дыхание Эль становится ровным и спокойным, она больше не плачет. Надеюсь, что сестра уснула. Рядом с ней чувствую себя комфортно и уютно. Защищено. Мои веки становятся тяжелыми, не смотря на то, что мысли о других выживших людях не покидают моего сознания, ощущаю, как надвигается сон. Но внезапно он вновь прерывается шептанием Эль. Она не спит.

– Ты еще здесь? – спрашивает сестренка.

– Да, – тихо отвечаю я.

Несколько секунд она молчит, затем продолжает.

– Я не хочу жить так, как он сказал, Ария, – шепчет Эль. – Я не хочу быть ничьим рабом.

Глажу Эль по голове, даже не представляя, что ей ответить. И внезапно она выдает сумасшедшую идею.

– Давай сбежим! – внезапно говорит она.

Сонное состояние мгновенно улетучивается.

– Мы не можем, – отвечаю ей.

Эль всего двенадцать лет, но сейчас мне кажется, что она гораздо старше меня.

– Почему?

– Это очень опасно.

– Ну и что, – упрямо говорит сестра.

– Это палка о двух концах, – шепчу я как можно тише. – Пойми, мы не можем подвергать такому риску своих родных. Если мы даже найдем дверь в стене и попытаемся сбежать, а нас поймают, то казнят на месте. Думаешь, члены совета такие глупые и не охраняют выход из города?

Эль обреченно вздыхает.

– Родных, – горько произносит она. – У меня больше нет родных.

– Не говори так, – прошу я. – А как же я, мой отец, Виктор и Олдос. Мы – твоя семья. И мы тебя очень любим.

В подтверждении своих слов еще крепче обнимаю Эль и чувствую, как увлажняются мои глаза. Сердце снова сжимает жалость к сестренке и ее трагичной судьбе. Не замечаю, как засыпаю.

В следующий раз открываю глаза уже утром. Сквозь стеклянную крышу пробиваются первые солнечные лучи. Эль сопит на моем плече. Окидываю взглядом комнату и замечаю папу. Он уже встал и сидит на стуле ко мне спиной. В его руке кружка с горячим напитком. Отец смотрит на пробуждающийся от спячки город, а, может, на виднеющуюся вдалеке глухую виноградную стену. С пятого этажа хороший обзор. Кто-то из соседей уже готовит завтрак, но большинство жителей Стекляшки еще спит. Сегодня нам не нужно идти на работу, в единственный на неделе выходной мы можем хорошенько выспаться.

Заниматься домашними делами или ничегонеделанием можно до обеда. Потом мы должны собраться на городской площади, чтобы стать свидетелями ежегодной церемонии казни. Кого-то ждет участь непосредственного участника. Для кого-то из нас этот день станет последним днем жизни. Сегодня кто-то лишится своих родных и близких. Они уйдут навсегда и больше никогда не вернутся. При мысли об этом мое сердце начинает учащенно биться. Что, если этим кем-то будут я?

Судорожно перебираю в голове все важные события за последний год. Пытаюсь вспомнить, нарушала ли какие-либо запреты и правила, опаздывала ли домой к комендантскому часу, съела ли лишнее яблоко со своего дерева, прогуляла ли ежемесячный городской праздник или собрание, ослушалась ли охранника, попыталась ли отгородиться от соседей и создать крошечный уголок приватности? Кажется, ничего из этого не было. Единственное, что меня немного беспокоит, так это Питер. Вчера он видел, как мы с Эль стояли у стены, и я практи-

чески трогала виноградник. Не знаю, что в голове у этого мальчишки, но его неприязнь ко мне может сыграть со мной недобрую шутку. И все-таки сомневаюсь, что он что-нибудь кому-нибудь рассказал: в его глазах вчера я заметила неуверенность и страх. Думаю, на самом деле он ничего не видел. Но на всякий случай решаю, что стоит быть с ним более дружелюбной. Врагов нужно держать на коротком поводке. Хотя лучше их вовсе не заводить.

Пытаюсь встать с кровати, не нарушив сна сестры, но от моих неуклюжих движений она просыпается.

– Доброе утро, – шепчет она.

– Привет, – улыбаюсь я.

Услышав нас, отец поворачивается.

– Доброе утро, девочки, – говорит он.

Папа улыбается, но что-то в его взгляде настораживает меня. Когда я замечаю, что его глаза увлажнены, чувствую, как щемит мое сердце. Эль идет умываться, я подхожу к папе и сажусь рядом. Он видит мою взволнованную физиономию и заметно нервничает, пытаясь скрыть глаза за кружкой с горячим напитком. Внутри меня все переворачивается. Я не понимаю, что происходит. Но ощущаю, что он словно пытается что-то скрыть. Ничего хорошего.

– Что-то случилось? – тихо спрашиваю я папу.

– Нет, с чего ты взяла? – отец пытается выглядеть невозмутимым, делает удивленный вид, продолжая смотреть на город.

– Давно ты не спишь?

Он пожимает плечами.

– Я не смотрел на часы.

– Почему ты нервничаешь?

Несколько секунд мы молчим, я пытаюсь всмотреться в его глаза, но папа старательно их от меня скрывает. Он разглядывает квартиры соседей из дома напротив, смотрит на город, вдаль, на зеленую стену. Солнце встает все выше, мир вокруг становится ярче и красочнее. Лучи проникают в нашу квартиру, даря приятное тепло. Стекло, из которого построены все здания в Стекляшке, имеет в своем составе специальное вещество, которое защищает помещения от перегрева, а людей от ожогов. Особенно это актуально для таких, как мы, жителей верхних этажей.

Кладу свою руку на руку отца, останавливаю его кружку на полпути ко рту. Он вновь возвращает свое внимание на меня и поворачивается. Глаза больше не блестят от слез, взгляд становится серьезным и настороженным. Он осторожно оглядывается по сторонам на комнаты соседей. Семья Виктора под нами и Олдос сбоку еще спят. Эль увлечена утренними процедурами пробуждения.

– Ария, – папа полностью разворачивается ко мне. – Нас ждет страшный день.

Чувствую, как волнение подступает к горлу, кружится голова. Понимаю, что боюсь услышать то, что он скажет. В сознании вырисовываются ужасные картины казни, в которых главными действующими лицами являемся мы. Усилием воли подавляю панические настроения в душе. Но отец и не думает меня пугать.

– Я действительно нервничаю, – говорит он. – Как и все жители Стекляшки в день казни. Это естественно. Неизвестно, кого выберут на этот раз, кто попадет под влияние решающего перста.

– Но ведь тебе нечего бояться, да? – перебиваю его я.

– Нет, а тебе? – перебрасывает он мой вопрос.

Пожимаю плечами и понимаю, что мои глаза устраивают кругосветное путешествие по комнате. Они бегают, выдавая мое волнение. Снова вспоминаю запутавшуюся в лианах птицу, вредного Питера, рассказы Олдоса о другом городе.

– Папа, – мой голос дрожит. – Я видела голубя.

Это совершенно не входило в мои планы. Ощущаю, как лицо искажает гримаса удивления. Я изумляюсь тому, как легко слова-предатели слетают с моих губ. Но отступать поздно. Думаю, что отец должен узнать мою тайну. В конце концов, в этом мире он самый главный для меня и единственный родной человек.

– Голубя? – удивленно повторяет он за мной.

– Да! Белую птицу, которую мы видели в книгах дядюшки Олдоса. Она запуталась в винограднике стены, а потом пошла ко мне в руки.

Сердце замирает в ожидании реакции отца. Он смотрит мне в глаза изучающе, словно пытается увидеть в них что-то еще. В этот момент рядом с нами садится сестренка.

– Мы были у стены вместе с Эль, – говорю я.

Сестра кивает. Тоска в ее взгляде никуда не исчезла.

– Папа, мы говорили с Олдосом, и он рассказал нам невероятную историю, – шепчу я. – О других людях.

Последнюю фразу я произнесла едва слышно. Глаза отца округляются, в них замечаю неподдельный ужас.

– Никогда не говори об этом, – просит он взволнованно.

– Ты что, тоже знаешь? – от изумления моя челюсть отвисает.

Отец закрывает глаза и отрицательно вертит головой. Мы с Эль в недоумении переглядываемся. Что это значит?

– Дети, – говорит он, шумно выдохнув. – Вы не должны были об этом узнать. По крайней мере, не сейчас и не таким образом.

– Что вы имеете в виду? – спрашивает Эль.

– Старому Олдосу не следовало вам рассказывать. Какие тайны он вам открыл?

– Он рассказал о Главном городе и о том, что наши склады с продовольствием в действительности пусты, – произношу я как можно спокойнее. – Он использовал слово «бутафорские». Олдос говорил, что урожай, который мы выращиваем, отправляется другим людям, а нам остаются лишь крохи. Папа, что ты знаешь еще?

Он грустно улыбается.

– Ария, Эль, – говорит он. – Вы взрослые девочки, невероятно, как быстро летит время. Я обещаю, что вы обо всем узнаете, когда придет нужный час. Но пока это все, что я или Олдос можем вам рассказать. Вы должны хранить эту тайну, как самое дорогое сокровище. Ни одна живая душа не должна услышать от вас о других, – папа закашлялся, – о другом городе. Вы обещаете мне хранить молчание?

Мы с сестренкой переглянулись.

– Обещаем, – в один голос отвечаем мы с Эль.

Понимаю, что не стоит докапываться до правды сейчас. Отец категоричен, как и Олдос. Конечно же, они знают намного больше, чем пытаются выдать. Но не хотят рассказывать нам об этом. Решаю, что пока следует отступиться. Но я обязательно вернусь к этому вопросу чуть позже.

– Папа, все будет в порядке? – с надеждой спрашиваю я.

Он подвигается поближе и обнимает нас.

– Обязательно, – шепчет он. – Иначе и быть не может. Что бы ни случилось, помните, что я люблю вас, девочки.

– И мы любим тебя, папа, – Эль впервые называет моего отца папой.

Вижу, как по щекам сестры катятся слезы. После смерти родителей, она перебралась к нам. Мой отец всегда относился к ней, как к родной дочери. Он знал Августа и Марию, многие годы они были добрыми друзьями. В память о них он не мог поступить иначе. Все наши с Эль пожитки всегда делились поровну, все наказания за домашние непослушания мы разделяли на двоих. Папа старательно пытался доказать Эль, что любит ее также, как и меня, чтобы

девочка не чувствовала себя чужой. Иногда он специально ругал меня на глазах сестры почти без причины, а ее восхвалял и поощрял. Таким образом давая понять, что мы для него равны. Я понимала это и никогда не обижалась. Вообще-то в нашем доме ссор и споров практически не бывает. Мы живем душа в душу, и если бы не горькое прошлое, мы могли бы назвать себя идеальной семьей.

Отец крепче прижимает нас к себе, и в этот момент мы втроем сливаемся в единое целое. Сидим так некоторое время, пока не слышим стук по стеклу. Из соседней комнаты машет Олдос. Жестом он зовет отца к себе. Он улыбается и даже подмигивает нам. Пытаюсь прочесть в его глазах настроение, но ничего не вижу. Старый сосед улыбается, но его взгляд непроницаем. Да, он умеет вести себя неподозрительно, даже если что-то скрывает. Настоящий партизан.

Папа поднимается со стула, отдает мне распоряжение насчет завтрака и уходит к соседу. Мы с Эль готовим яичницу с тонкими кусочками вареной говядины. Конец месяца, мы можем позволить себе небольшой пир. К тому же наша экономия дает свои результаты. Мы научились довольствоваться малым, и перед выдачей ежемесячных продуктовых талонов у нас остается еще немало провизии. Иногда мы перекидываем ее на следующий месяц, а иногда наедаемся до отвала. В основном именно так и поступают все жители Стекляшки. Надо же иногда хоть как-то себя баловать.

Сегодня днем в городском парке после казни будет большой пикник с пирожками и компотами. Это традиционные угощения на массовых стекляшкинских собраниях. Наверное, на этот раз нас ждут пироги с яблоками. Вчера мы собрали внушительный урожай этих фруктов. Хотя, с учетом того, что я знаю теперь о том, что происходит с нашей провизией, я не могу ни в чем быть уверена.

Бутафорские склады. И почему никто об этом не догадывается? Нас контролируют на каждом шагу, как настоящих рабов. Разве что не бьют розгами и не бросают в темницы. Олдос говорил, что в древнем мире бывали наказания и похуже. Да, сегодня для усмирения рабов безвольных придумана ежегодная городская казнь, которая напрочь отбивает все желание перечить. Тем, кто ухаживает за плодовыми деревьями, не позволено знать о том, сколько урожая картофеля нынче собрано с полей. Те, кто выращивают овощи, не подозревают о количестве собранного зерна. Ягодники не знают о достижениях коровников и свинарей, курятники – о выполнении плана пчеловодов и так далее. У рабочих нет четкого представления о том, насколько богат собранный нами урожай. А цифры, приводимые Советом на городских собраниях, являются в высшей степени недостоверными. Теперь я это знаю.

Пока готовим завтрак, город полностью просыпается. Люди суетятся в своих стеклянных квартирах-коробочках, так же, как мы готовят еду, кто-то делает зарядку, некоторые принимают солнечные ванны, стоя у прозрачных стен. Все заняты собой и своими семьями. Сегодняшний выходной переживут не все, и те, кто имеет какие-либо подозрения на свой счет, стараются провести это утро на максимуме.

Яичница готова, чайник кипит и ждет, когда его опустошат. Эль заваривает травяной сбор, а я решаю позвать папу к столу. Он все еще в гостях у Олдоса. Пока я крутилась у плиты, не заметила, как в квартиру соседа пришел его старший сын, Кас. Сейчас они втроем что-то оживленно обсуждают. Судя по лицу Олдоса, он недоволен вестями, которые принес Кас. Он ругает его, но голос дядюшки очень тих, и я никак не могу разобрать его слов. Делаю вид, что даже не замечаю их, а сама все ближе подхожу к стене, разделяющей наши квартиры. Беру в руку тряпку и начинаю вытирать пыль с поверхностей. Занятие это глупое, так как пыли у нас практически не бывает. Но я не обращаю внимания на этот факт и продолжаю свое робкое, но в то же время уверенное движение вперед.

Бросаю взгляд на отца и замираю. Наши глаза встречаются, он выглядит подавлено. По телу пробегает паническая волна. Он что-то говорит Олдосу и Касу, разводит руками, пожимает плечами, затем делает взмах рукой, разрезая воздух надвое, и выходит из квартиры.

– Что-то случилось? – спрашиваю я, когда папа заходит домой.

– Пустяки, – отвечает он, стараясь говорить уверенно, но его голос подрагивает. – Сегодня Кас будет распорядителем на городской казни. Его рукой Совет будет выбирать новых жертв этого года. Для Каса это первый подобный опыт, раньше он работал в отделе организации массовых мероприятий, а сегодня ему поручено быть вершителем судеб. Он очень взволнован.

– Но ведь это не он решает, кому жить, а кому уйти навсегда, – говорит Эль. – На его руках не будет крови.

– Решает Совет, – отвечает отец. – Вернее, все уже давно решено. Но пока о том, кого выберут сегодня, знают всего три человека: глава Совета и два его ближайших помощника. Но у Каса есть некоторые подозрения о том, кого ждет смертельный яд, и он пришел, чтобы поделится с отцом.

Мы с сестрой синхронно поворачиваем головы к стеклянной стене, разделяющей наши с Олдосом квартиры, и смотрим на старика и его сына. Оба они выглядят напряженно и о чем-то спорят.

– Не пяльтесь на них, – просит папа. – Это неприлично.

Эль и я виновато опускаем глаза.

– Завтрак готов, – произношу я.

– Тогда нам следует приступить к нему, – отвечает отец. – Кажется, я проголодался.

Утро закончилось так же неожиданно, как и началось. За окном стоит солнечный яркий полдень, и если бы не страшное, отвратительное мероприятие, которое ожидает нас впереди, этот выходной мог бы оказаться вполне симпатичным. Сегодня немного теплее, чем обычно. Выйдя на улицу, практически сразу ощущаю выступившие капельки пота на коже. Вместе с тем меня обдувает свежий ветерок, даря прекрасную прохладу. Изумительное сочетание.

Время близится к казни, и жители Стекляшки начинают покидать свои квартиры и направляются в городской парк, где должно произойти действо. Я, папа и Эль вышли заранее, чтобы насладиться хорошей погодой и немного побыть втроем. В выходные мы любим гулять всей семьей, ходить на пикники и играть в игры на свежем воздухе. Сегодня именно такой день. Ну, почти такой.

На полпути к парку понимаю, что мы забыли взять плед. На траве сидеть неудобно: зелень плохо отстирывается с одежды. А сидеть на земле нам придется не один час. Поэтому решаю вернуться домой. Эль занята тем, что рвет одуванчики и делает из них венок на голову. Она просит разрешения остаться на лужайке, и я возвращаюсь в квартиру одна.

Почти все соседи уже ушли, лишь на первом этаже вижу молодую пару – Антонию и Сергея с маленьким ребенком. Они пытаются собрать малыша, но он все время капризничает и вертится, и это значительно усложняет процесс. Кроме них в доме остается Олдос. Захожу в свою квартиру и беру с дивана плед. Я приготовила его заранее и оставила на видном месте, но почему-то забыла взять. Поворачиваю голову и замечаю на себе пристальный взгляд Олдоса. На его лице грустная улыбка.

Не говоря ни слова, закрываю за собой дверь и без стука и без разрешения захожу к соседу. Дядюшка сидит на кровати и улыбчиво приветствует меня.

– Почему вы не идете? – спрашиваю я.

– Пытаюсь оттянуть неизбежное, – говорит он.

– Это не в наших силах.

Он задумчиво смотрит на меня.

– А знаешь, – молвит он, – в действительности многое в наших силах. И даже то, что кажется невозможным.

– Человек прибегает к философии, когда его жизнь перестает ему подчиняться, – говорю я. – Этому вы меня учили.

Олдос улыбается.

– Присядь, Ария.

Послушно сажусь рядом с ним на кровати. Эмоции Олдоса вновь невозможно прочитать. Уголки его губ устремлены вверх, но брови нахмурены. Лоб изрезали глубокие морщины, которые становятся видны отчетливее, когда на его лице возникает подобная мимика.

– Твоя жизнь должна сложиться определенным образом, как и жизни всех жителей Стеклянного города. Так было установлено пару веков назад, и так должно быть всегда. Но смысл в том, что любая эволюция подразумевает прогресс. И если его нет, человечество, да и весь мир, деградирует. Сейчас мы находимся в стадии этой самой деградации, которая обязательно приведет к саморазрушению. Мир уже разрушен, но им этого мало. Они вовсе не хотят все исправить. Они хотят лишь подавлять и властвовать, держать все под контролем и запрещают рабам свободно дышать. Любая попытка проявления собственного «я» пресекается на корню. Многие знали эту правду, но теперь посмотри, что с ними стало. Их уничтожили, стерли с лица земли. Знать больше, чем полагается – опасно, Ария. Поэтому пообещай мне одно: никогда и никому не говори о том, что знаешь. Если тебе дорога твоя жизнь, сдержи свое слово. Будь смиренна и покорна, и тогда твоя жизнь будет спокойной и легкой.

Монолог Олдоса сбивает меня с толку.

– Вы о людях из Главного города? – спрашиваю я.

Олдос кивает.

– Но вчера вы говорили, что они пытаются помочь нам, восстановить все с нуля и…

– Так и есть, Ария, – обрывает он меня. – Но это восстановление мира не касается нас и никогда не коснется. Они воссоздают его для себя. Исключительно для тех, кто называет себя высшим классом. Есть два типа людей: элита и рабы. И теперь ты понимаешь, к какой категории принадлежим мы.

– Олдос, почему вы мне об этом говорите? Я видела вашего сына, Каса. Он рассказал вам что-то нехорошее, да? Он знает, кого казнят в этом году?

Сосед горько ухмыляется и по-отечески гладит меня по голове.

– Нет, – говорит он. – Кас мне ничего не сказал.

– Но после его визита вы очень изменились, – не отступаю я.

– Не слишком приятны споры отцов и детей, – отвечает Олдос. – Когда у тебя появятся свои дети, ты поймешь, как мало знаешь об этом мире.

Я не совсем поняла суть его ответа. Олдос так и не раскрыл цель визита своего сына и смысл их разговора. Он просто свернул с этой темы, подменив ее другой.

– Если что-то со мной случится, – говорит он, но я не выдерживаю и вскрикиваю, обрывая его на полуслове.

– Да что происходит? – напугано воплю я. Соседей в доме не осталось, поэтому своей выходкой я не привлекаю ничье внимание. – Откуда у вас такое настроение? Вы явно что-то не договариваете.

Как ни странно, Олдос не укоряет меня за эту вольность.

– Ария, – тихо говорит он. – Произойти может всякое. Казнь – как русская рулетка. Вся наша жизнь – игра с судьбой, и иногда мы проигрываем. И если сегодня проиграю я, пообещай мне, что будешь вести себя безопасно. Ты молода и темпераментна, и твоя юная горячая кровь может вывести тебя не на ту дорогу. В погоне за правдой ты можешь потерять все и всех, кто тебе дорог. Ты можешь потерять саму себя. Поэтому, если у меня все же не получилось

отговорить тебя, а я знаю, что внутри тебя, возможно, уже зарождаются бунтарские планы, будь осторожна.

Потрясенно смотрю на Олдоса. Бунтарские планы. Нет, планов пока я не строила. Но с этой самой минуты я начинаю об этом всерьез задумываться. Внутри меня все перевернулось с ног на голову, и речи Олдоса, отдающие самым настоящим прощанием перед казнью, заставляют содрогнуться от ужаса.

– С вами ничего не случится, – уверенно говорю я. – И я обещаю, что буду вести себя безопасно. Только, пожалуйста, не надо больше этих траурных монологов.

Олдос улыбается и кивает. В эту секунду из уличного громкоговорителя раздается мелодия, призывающая на городское собрание. На казнь. В течение десяти минут мы должны быть в парке и занять места в зрительной зоне. Хватаю плед, Олдоса подмышку и вместе мы бежим к моему отцу и Эль, которые, вероятно, меня уже заждались. Несмотря на свой возраст, дядюшка бегает довольно быстро. Вскоре мы уже нагоняем толпу и находим папу. Он удивленно смотрит на нас, и кивком головы призывает идти за ним. Находим свободное место на траве и стелим плед. Через минуту на парковой сцене возникает Кас.

В парке собрались все до единого жителя Стекляшки. Пять тысяч и три человека. Вскоре нас станет меньше, но пока мы в полном составе. Вначале мероприятия нам рассказывают о достижениях города за прошедший месяц, о количестве собранного урожая, о том, кто родился и кто умер. За прошедшие тридцать дней демография Стекляшки не изменилась ни в ту, ни в другую стороны. И это приятные новости в преддверии неприятных.

После подведения сухих итогов месяца, наступает очередь озвучивания итогов года. Кас рассказывает со сцены через микрофон о том, кого и за какие поступки пришлось казнить в прошлый раз. Зачитывая имена с бумаги, он заметно нервничает. Его глаза то и дело отрываются от трактата и гуляют по толпе. Он осматривает собравшихся с тревогой, и когда, наконец, находит среди тысяч лиц в ближайших рядах своего отца, его поиски завершаются. Теперь его внимание нацелено лишь на Олдоса. Слова, которые он произносит, адресуются всем нам, но его взгляд, молчаливое послание адресовано лишь ему одному.

Как правило, мы предпочитаем занимать места, расположенные на приличном удалении от главной сцены. Смотреть на то, как убивают человека, довольно страшно, хоть наша казнь и считается гуманной. Однако находятся и такие, кто любит поглазеть на происходящее из первого ряда. В этот раз мы оказались в их числе из-за моей нерасторопности. Мне пришлось возвращаться за забытым дома пледом, и чтобы успеть к началу церемонии, нам пришлось занять ближайшие свободные места. Практически без вариантов.

Эль, Папа, я и Олдос расположились рядом друг с другом. Осматриваю ближайших соседей и замечаю неподалеку Виктора. Пристально смотрю на него в течение минуты, и он, наконец, ловит мой взгляд. Виктор радостно машет, отвечаю ему тем же. В это время со сцены продолжает литься речь Каса о том, как важно соблюдать установленные Советом правила. Снова идет перечисление всех пунктов из списка, чего нам делать нельзя. При упоминании запрета на приближение к стене, снова вспоминаю вчерашний вечер и волшебную белую птицу. Слова Олдоса о другом городе, других людях не дают мне покоя. Посмотреть бы на реальный мир хотя бы одним глазком. Ощущаю в душе тревогу и непонятное жжение. Словно внутри меня эта тайна обрастает колючими шипами, защищаясь от света, и до боли царапает мои внутренности.

Эти странные мысли сменяются другими, еще более загадочными. Вспоминаю слова папы о том, что я не должна никому говорить о том, что узнала. Ему вторит Олдос. Но как на самом деле устроен наш мир, и почему застенную жизнь держат от нас в тайне, опутанной густым и ядовитым виноградником?

Со сцены доносятся слова Каса о том, что мы должны быть благодарны Совету за свою жизнь. За то, что наши предки были спасены и поселены в этот город первыми правителями. Я знаю все, что он говорит, почти наизусть. Интересно, они хоть иногда переписывают эту речь? Одно и то же каждый год, каждый месяц, каждый день. Надоело до безумия. Больше не хочу это слушать. Мой взгляд вновь гуляет по сидящей на траве толпе. Кажется, никто, кроме меня не игнорирует речи члена Совета.

Жители Стекляшки внимательно слушают то, чем их потчуют со сцены. Лица большинства горожан не выдают особых эмоций, все выглядят почти так же, как обычно. Ни тревоги в глазах, ни страха во взгляде, ни нервной дрожи в коленях или заметного волнения. Ничего этого не вижу. Вероятно, каждый уверен в завтрашнем дне. В том, что переживет сегодняшний. Или же мы настолько привыкли к ежегодным убийственным церемониям, что обросли тройной кожей, как снаружи, так и изнутри, и уже нас не трогает насильственное отбирание чужих жизней? Мы живем одной большой коммуной, и все же в ней каждый сам за себя.

По голосу оратора понимаю, что пустые речи близятся к своему завершению, и вот-вот наступит главное событие, ради которого нас всех сюда согнали. Обычно казнь проходит очень напряженно, в основном, конечно, для самих участников. Зрители, которых не пригласили на сцену, свободно выдыхают и благодарят судьбу за то, что та пощадила их. До следующего года. Совет называет имена нескольких человек. Они выходят на сцену, и перед всем городом распорядитель зачитывает их провинности. После этого советники во главе с главой уходят на совещание, после которого зачитываются приговоры.

Это совещание – вещь показательная и, как сказал вчера Олдос, бутафорская. Обреченного на казнь определяют заранее, и все это знают. Но Совет любит пощекотать людям нервы и оттягивает процедуру введения яда. Именно так умирают виновные и невиновные жители Стекляшки. В вену бедняги вводят увеличенную, смертельную дозу специального лекарства, которым в обычной жизни излечивают ослабших. Парадокс в том, что один и тот же препарат может поставить на ноги смертельно больного, вернуть его к жизни, и навечно усыпить здорового. Убить его. Разница лишь в его количестве.

Когда Кас объявляет о начале церемонии казни, Эль хватает меня за руку и крепко ее сжимает. Я улыбаюсь, в надежде ее успокоить, но в глазах сестренки застыл страх. Ощущаю, как по моему телу бегут мурашки и грудь сдавливает паника. Ее мандраж передается мне. Стараюсь дышать спокойно и ровно. Теперь и мне нужна поддержка. За ней решаю обратиться к отцу. Но при взгляде на него начинаю переживать еще больше. Папа погрузился в свои мысли, и не замечает нас с сестрой. Он опустил глаза вниз и задумчиво теребит кромку пледа. Олдос, не моргая, смотрит на своего сына, выступающего со сцены перед публикой. Толпа вокруг заметно оживилась.

– В этом году, – говорит Кас, – я вынужден вызвать на казнь пятерых человек. Двое из них будут помилованы и отпущены, но предварительно их ждет прилюдная порка. Трое уйдут навсегда.

Его голос дрожит, сын Олдоса взволнован и это видят остальные члены Совета, присутствующие на сцене. Глава города недовольно смотрит на Каса. Папа сказал, что сегодня он выступает в роли распорядителя впервые, из-за этого и нервничает. Не обращая внимания на свою нечеткую речь и косые взгляды со стороны, он продолжает.

– Те, чьи имена я произнесу, пожалуйста, выйдите на сцену, – говорит Кас. Вся наша многочисленная толпа разом замирает. В этот момент город словно перестает дышать. Готова поспорить, что слышу сердцебиение сидящей рядом Эль. – Итак, – он медлит, взгляд Каса расстроенный и словно извиняющийся. – Первым я попрошу подняться Арона Пински.

Где-то вдалеке раздается отчаянный женский крик, сменяющийся причитаниями. К голосу неизвестной женщины присоединяются голоса еще нескольких человек. Слезы, крики и мольбы о пощаде становятся все громче. Теперь невозмутимое настроение нашего живого

организма улетучивается, на лицах людей появляется ужас и боль. Минуту назад казнь еще не была такой реальной, и лишь сейчас, когда распорядитель назвал первое имя, осознание страшной реальности вернулось в души людей. Уже знакомое чувство, тщательно запрятываемое в дальние уголки сознания, сегодня вновь вырывается на свободу.

Сквозь толпу пробирается тот самый Арон Пински, первый человек в черном списке этого года. Его сопровождают сочувственные взгляды, некоторым Арон пожимает руку, заранее прощаясь навсегда. Я знаю этого человека. Он работает преподавателем столярного и строительного дела для мальчиков в нашей школе. Что же такого он мог натворить? Все знают Арона, как доброго и честного человека. Неужели он сделал что-то нехорошее? Когда Арон проходит мимо нас, он на секунду останавливается, и я вижу слезы в его глазах. Сердце разрывается на мелкие кусочки от жалости к нему. Отец протягивает руки Арону, встает с земли и обнимает его. Не знала, что они дружили. Через несколько минут он уже стоит на сцене. Скорее всего, это последние минуты в жизни Арона, и он проводит их, любуясь ясным небом. Погода на улице прекрасная, как по заказу. И сейчас солнце словно насмехается над теми, кто видит его в последний раз.

Запомните меня таким, говорит оно.

Кас не торопится называть второе имя, предоставляя первому кандидату на вылет из жизни добраться до места казни. Когда волнение в массах немного спадает, он произносит следующее имя.

– Игнат Симон, – говорит Кас.

На этот раз отчаянные вопли ужаса, разрывающие напряженную тишину, раздаются у самой сцены. Игнат Симон – молодой парень, он немногим старше меня. Точного возраста я не знаю, но думаю, что ему не больше двадцати трех лет. Он сельхозник, такой же, как и я. Игнат работает на выращивании корнеплодов. А он-то чем не угодил Совету? Вижу, как он пытается встать с земли, но его шею крепко обхватывают руки невесты Леи. Она уткнулась в его грудь, надрывные рыдания девушки сотрясают все ее тело. Она кричит, что пойдет на казнь вслед за ним, в глазах Игната замечаю шок и неподдельный ужас. Наверняка он все еще не понимает, что только что произошло.

Лея не отпускает своего жениха, крепко в него вцепившись. Бросаю взгляд на сцену и вижу, как пара крепких охранников, устав наблюдать за этой душераздирающей картиной, бросаются вперед, чтобы расцепить влюбленных и ускорить процесс их прощания. Но глава Совета останавливает их, взглядом говоря «нет». Неужели этот черствый человек способен на сострадание и по доброте душевной дает молодым людям еще несколько последних секунд, одно последнее объятие? Вскоре убеждаюсь, что это не так, и намерения у главы города вовсе не такие светлые.

– Лея Суарес, – доносится до моих ушей голос Каса. – Третье имя в списке Лея Суарес.

Криков не слышно, визгов, стонов отчаяния, рыданий и стенаний больше нет. Город снова замер, затаив дыхание. Вместе с Игнатом на казнь вызвали его невесту, Лею. На моей памяти это первый случай, когда Совет отправляет на верную смерть молодых влюбленных. Пять лет назад на этой сцене казнили родителей Эль, двоих супругов. Тогда это тоже вызвало шок у большинства горожан. Убить сразу двух членов одной семьи – раньше такого никогда не было. На лице Леи возникает недоумение, но вскоре оно сменяется чем-то вроде облегчения. Игнат крепко обнимает свою подругу, помогает ей встать с земли, и вместе они поднимаются на сцену.

Игнат и Лея – сироты. Наверное, поэтому в толпе не слышно отчаянного плача их родственников. Но все, кто знает молодых людей, сопереживают им не меньше, чем родным детям.

Три имени названы. Остается еще два. Пока приговоренные к одному из видов казни – смертной и избиению – обнимаются на сцене, прощаясь друг с другом и с этой жизнью, лицо Каса мрачнеет. Он напряжен еще больше, чем в начале церемонии. Он выглядит подавленным.

Вновь находит в толпе глаза своего отца и долго неотрывно смотрит на него. Я нервно сглатываю, стараясь поспевать за своими мыслями, но они несутся вперед, не давая мне остановиться и сообразить, что происходит. Смотрю на Олдоса и только сейчас все понимаю. Кас молчит, но его безмолвие и скатывающаяся по щеке слеза красноречивее любых слов.

Инстинктивно тянусь к Олдосу и хватаю его за руку, словно это что-то изменит. Он, кажется, и не замечает меня, продолжая сурово смотреть на сына.

– Олдос Непо, – срывается отчаянный крик с губ Каса.

Внутри меня разрывается ядерная бомба, отравляя все внутренности, голова становится тяжелой, глаза застилает туман. Сердце сковывает невидимый ледяной кулак, и вот-вот обещает вызвать сердечный приступ. Становится тяжело дышать, практически невозможно. Но сквозь отчаянные попытки придти в себя я ползу к Олдосу, не в силах осознать произошедшее.

Кас отходит в дальний угол сцены и поворачивается спиной к зрителям. Замечаю, как к нему подходит его брат Валентин. Он трясет Каса за плечи и что-то говорит. Все головы соседей обращены к нашей маленькой компании. На лицах людей скорбь и сострадание. В то же время понимаю, что каждый радуется тому, что распорядитель не назвал их имени. Заплаканная Эль обнимает дядюшку, мой отец потрясенно смотрит на него, не в состоянии произнести ни слова. Он кладет тяжелую руку на плечо Олдосу и сдавливает пальцы.

– Олдос, – шепчу я в ужасе. – Не может быть!

Обнимаю его трясущимися руками, и мы вместе с Эль ревем на его шее.

– За что, Олдос? – спрашиваю я, не надеясь услышать ответа.

После произношения его имени проходит всего несколько секунд, кажущихся долгой мучительной вечностью. Он молчит, позволяя нам проститься с собой. Затем целует Эль в висок.

– Будь умницей, девочка, – нежно говорит он ей. – Ты самая добрая и честная из всех, кого я знаю. У тебя обязательно все получится.

После этих слов дядюшка Олдос поворачивается ко мне.

– Ария, – шепчет он. Его глаза становятся влажными. – Ты всегда была для меня ярким лучиком в этом беспросветном мире. Прости меня за все, если сможешь.

– Вы знали, что сегодня выберут вас! – произношу я изумленно.

Постепенно все в моем сознании раскладывается по полочкам. Олдос пытался скрыть от нас то, что узнал сегодня утром от Каса, и у него это получилось. Сын с самого утра принес в его дом дурные вести. Неужели об этом знал и мой отец?

– Ария, слушай меня внимательно, – Олдос обнимает меня и незаметно нашептывает на ухо наставления. – Забудь все, что я тебе сказал. Опутывающий стену виноградник не ядовитый. Дверь находится за складом. В Главном городе работает мой сын Тимофей. Тим Непо. Найди его, он сможет помочь.

С этими словами Олдос разжимает свои объятья и выпускает меня. Поднимается с земли. Вслед за ним встает и мой отец. Он крепко пожимает дядюшке руку, затем не выдерживает и обнимает его, в глазах папы застыла горечь. Вижу, как Олдос что-то ему говорит, но не могу разобрать ни слова, по губам прочесть тоже не получается. Напоследок он улыбается нам и направляется в сторону сцены.

Все еще не могу прийти в себя, пытаюсь ущипнуть нежную кожу на руке, в надежде проснуться от этого кошмара, но по телу лишь расплывается легкая боль. Я не сплю. На сцене в ряд выстроились Арон Пински, Игнат Симон, Лея Суарес и наш Олдос. Осталось еще одно имя. Еще один житель Стекляшки через несколько минут присоединится к списку будущих жертв. Однако никто не знает, какую казнь уготовил им Совет. Двое из них спустятся с этой сцены и вернутся к своим семьям. Но трое навсегда покинут наш город, наш мир, жизнь. Я

ненавижу казнь. Я ненавижу Совет. Я ненавижу несправедливость и беспробудную ложь. Я начинаю ненавидеть Стекляшку. Я не-на-ви-жу казнь!

Кас вновь выходит вперед, держа в руке листок со списком. Горожане молчат, каждый неподвижно смотрит на сцену, словно боится пошевелиться и оказаться в стройном ряду провинившихся. Мы с Эль прижимаемся друг к другу, сестренка тихо плачет, я пытаюсь держаться за последнюю надежду, что Олдоса все-таки отпустят, что преступление, в котором его обвиняют, не слишком серьезно, и он заслуживает помилования. Сегодняшняя казнь оказывается в высшей степени необычной. Сколько я себя помню, на городской церемонии ни разу не казнили члена Совета. Это нонсенс. Вероятно, Олдос перешел дорогу самому градоначальнику.

Папа обнимает нас с Эль, замечая, как Кас открывает рот, чтобы произнести следующее имя. Поначалу я не верю своим ушам, думаю, что ослышалась. Но сочувственные взгляды соседей вновь устремлены на нас, и я понимаю, что все происходит по-настоящему. Здесь и сейчас. Ощущаю в руках и ногах мелкую дрожь, не могу успокоить свое тело, в висках тюкает. Изо рта сестренки раздается протяжный вопль ужаса. Она плачет, бьется в истерике и хватается за папу. Только что Кас назвал его имя.

– Серафим Вуд, – говорит он, стараясь скрыть свои глаза. – Пожалуйста, выйдите на сцену.

Последним именем в списке приговоренных к казни было имя моего отца. В оцепенении смотрю на него, не чувствую своих конечностей. Кровь заледенела, и, не смотря на жаркий солнечный день, мне становится безумно холодно. Мурашки проносятся по коже со скоростью света. Протягиваю руку к отцу и теряю сознание.

На какое-то время погружаюсь в пустоту. Она кажется мне безопасной и успокаивающей. Но вскоре меня возвращают к действительности.

– Ария! – открываю глаза и вижу лицо склонившегося надо мной папы.

Он напуган не меньше меня. Но когда я открываю глаза, он облегченно выдыхает.

– Почему они позвали тебя? – спрашиваю я, пытаясь вернуться в прежнее положение, опираясь на локоть.

Слезы льются из глаз, не давая вздохнуть. Соленая жидкость попадает в рот, капает на платье, оставляя мокрые разводы. Мгновение отчаяния сменяется отрицанием реальности. Я отказываюсь признавать то, что отца могут убить. Голова гудит, как паровоз, мое измученное сердце вот-вот вырвется из груди.

– Папа, – шепчу я. – Не уходи.

– Ария, дочка, – говорит он. – Прости, что так вышло.

– Но почему? – спрашиваю я. – За что?

Отец обреченно вздыхает. Он крепко обнимает нас с Эль, и как и Олдос за несколько минут до него, шепчет мне на ухо:

– Мы с Олдосом хотели освободить наш город, – говорит он быстро, понимая, что времени у него не осталось. – Но не успели. Не знаю, какую вину вменит нам Совет, но знай, правда в том, что мы хотели, для вас лучшей жизни.

Сжимаю спину отца обеими руками как можно крепче, все еще не осознавая, что прощаюсь с ним навсегда. Слезы мешают мне говорить.

– Кто еще знает правду о другом городе? – спрашиваю я.

– Все, кто на сцене. Кроме Леи, – отвечает он.

В этот момент со сцены вновь раздается голос Каса. Он повторяет имя отца и просит его поторопиться. Мое отчаяние сменяется злостью. Я готова броситься на распорядителя и других советников и расцарапать им глотки за то, что они с нами делают. Отобрать иглы с ядом, вонзить в их вены и выдавить все до последней капли. Уничтожить это зло раз и навсегда.

– Мы нашли дверь в стене, – шепчет папа.

В третий раз до моих ушей доносится имя отца. Но теперь его произносит не Кас. Недовольный тон принадлежит теряющему терпение главе Совета Теодору.

– Серафим Вуд, – повторяет он сурово. – Если вы сейчас же не выйдете на сцену, проблемы будут не только у вас, но и у членов вашей семьи.

В глазах отца застывает новый ужас. Он вновь крепко обнимает нас и целует.

– Я люблю и горжусь вами, дети, – говорит он, выпуская нас из объятий. – Берегите себя.

На несколько секунд папа задерживает на мне свой взгляд, словно пытается что-то сказать. Затем разворачивается и идет на сцену. Эль вцепляется в мою руку, и мы опускаемся на землю, не в силах устоять. Падаем. Я глажу волосы сестры, плачущей на моих коленях, а сама пытаюсь прийти в себя. Разум усердно продирается сквозь непроходимые дебри ужаса, разросшиеся в моей душе. Олдос. Папа. Этого просто не может быть. Но, тем не менее, сейчас они стоят перед всем городом на сцене и готовятся выслушать свой приговор.

Зрители тихо перешептываются, некоторые смотрят на меня со слезами на глазах. Кто-то облегченно улыбается, ведь на этот раз смерть не коснулась их семей. А моя семья практически уничтожена. Теперь я, наконец, осознаю сполна, что испытала Эль в день казни своих родителей. Мое сердце вырвали, избили и выбросили в сточную канаву. Чувствую, как немеет левая рука и слабость распространяется по всей левой стороне тела. Сейчас я была бы даже рада сердечному приступу. Он избавил бы меня от этих невыносимых страданий.

Окидываю взглядом толпу, сама не понимая, что ищу. И внезапно натыкаюсь на Питера. Встречаюсь с ним взглядом и замираю. Этот мальчик, юноша, который всегда меня ненавидел, сейчас смотрит на меня сочувственно. В его лице я вижу неподдельную скорбь. Его глаза расширены от ужаса, и он не отводит их.

– Итак, – раздается голос Каса. – Поскольку все обвиняемые этого года уже здесь, я должен зачитать приговор каждому из них.

Кас не отрывает глаз от своей бумажки, словно боится показать их зрителям.

– Арон Пински, – обращается он к первой жертве. Лицо Арона белеет от страха. – Вы обвиняетесь в краже рабочих инструментов, принадлежащих Стеклянному городу. Молоток, гвозди и плоскогубцы, с которыми вы должны иметь дело в школе, были найдены у вас дома. Как вы можете это объяснить?

Арон удивлен. По его лицу вижу, что он не ожидал услышать подобные обвинения в свой адрес.

– Это не было кражей, – говорит он с возмущением. – Я взял эти инструменты на время, чтобы починить домашнюю мебель. Я собирался вернуть их.

Кас переводит взгляд на главу города, и тот едва заметно кивает ему.

– Хорошо, – молвит он. – Пойдем дальше. Игнат Симон и Лея Суарес. У вас одно обвинение на двоих: нарушение комендантского часа.

Молодые люди стоят на сцене, плотно прижавшись друг к другу. Они держатся за руки, и их лица больше не выглядят напуганными. Скорее уверенными. По глазам Леи читаю: жизнь вместе, умереть вместе. Она будто бы рада, что ее вызвали вместе с Игнатом. Наверное, девушка просто не представляет своей жизни без любимого. Вот это преданность.

– Игнат Симон, вы также обвиняетесь в организации несанкционированных собраний, – говорит Кас.

Игнат и Лея выслушивают его, не произнося ни слова, и когда Кас предлагает им напоследок выговориться, продолжают молчать. Следующий на очереди – Олдос. Кас отрывает взгляд от своего листка и несколько долгих секунд безмолвно смотрит на него. Он подавлен тем, что ему приходится не просто видеть, как убьют его отца, но и быть распорядителем на его казни. Неподалеку от градоначальника стоит Валентин, второй сын Олдоса. В его лице не замечаю ни малейших эмоций: ни жалости, ни сочувствия, ни боли. Он настоящий правитель, властный и жестокий. Он отдает на казнь своего единственного оставшегося в живых родителя, и даже

не сожалеет об этом. В его глазах читается скука и усталость от всего происходящего. Он окидывает взглядом толпу и зевает. Бесчувственная сволочь.

На сцене повисло молчание. Буквально кожей ощущаю, как Кас борется с собой, чтобы не слететь с катушек, и начать зачитывать обвинение Олдосу. Кто-то из кучки советников нарочно громко кашляет, и Кас приходит в себя.

– Папа, – дрожащим голосом произносит он, но сразу же исправляется, понимая, что ведет себя неподобающе. – Олдос Непо, вы обвиняетесь в организации массовых собраний и распространении ложной информации среди населения Стеклянного города. Вам есть что сказать?

Кас поднимает на отца печальные глаза и взглядом просит у него прощения. Внезапно Олдос делает два шага вперед к краю сцены.

– Да, – говорит он, – мне есть что сказать.

Члены городского Совета настороженно переглядываются.

– Я жил рабом, но умру свободным, – внезапно говорит Олдос. Затем он поворачивается к Касу. – Я прощаю тебя, сынок.

Он произносит это с легкой улыбкой, и в глазах Каса снова вижу слезы. За поведением Олдоса с интересом наблюдает весь город. Совет заметно напрягся. Дядюшка поворачивается назад, находит в толпе советников второго сына, и адресует ему второе сообщение.

– И тебя прощаю, – произносит он.

На этот раз в его глазах замечаю горечь. Валентин выглядит удивленным.

– Вы закончили? – нетерпеливо спрашивает глава города.

Олдос бросает на него презрительный взгляд, затем поворачивается лицом к толпе, и ищет кого-то глазами. Когда его взгляд падает на меня, он замирает и подмигивает.

– Передавай привет Тимофею, – говорит он.

После этих слов к Олдосу подходят охранники и отводят назад к остальным преступникам. Хотя назвать их этим словом просто язык не поворачивается. Советники рассматривают толпу, выискивая того, к кому обращался Олдос. Я опускаю глаза вниз, делаю вид, что пытаюсь оттереть грязь на платье. Старый дядюшка предусмотрительно не назвал моего имени, чтобы правители не смогли вычислить адресата. Но все же он умудрился оставить свое напутствие. Почему-то теперь я почти не сомневаюсь в том, что его не пощадят.

Слезы перестали литься из моих глаз, будто вытекли все до последней капли, и запасы в слезных мешочках иссякли. Щеки все еще мокрые, соль раздражает кожу, но я не обращаю на это внимание. Эль прижимается ко мне, ее тело продолжают сотрясать рыдания. Внезапно ощущаю на своем плече чью-то руку и инстинктивно вздрагиваю. Рядом садится Виктор и обнимает меня.

– Я с вами, – шепчет он, и я пытаюсь ему благодарно улыбнуться, но не получается.

Очередь на сцене дошла до моего отца. Папа смотрит на нас, не отводя взгляда. Все внутри переворачивается, когда я вижу, как уголки его губ осторожно поднимаются вверх, и он подмигивает. Человек, идущий на казнь, пытается успокоить и ободрить свою остающуюся дочь. Слезы душат, но я не хочу показывать их ему. Если сегодня ему суждено умереть, пускай он увидит другие эмоции на моем лице, мягкие и нежные. Тереблю Эль и прошу ее успокоиться. Сестренка замирает и вытирает ладошкой красные опухшие глаза. Вместе с ней машем папе и стараемся выдавить из себя улыбки, но снова не получается. Губы словно онемели.

– Серафим Вуд, – произносит Кас, и мое сердце уходит в пятки. – Вас также обвиняют в организации запрещенных собраний без утверждения плана мероприятия с Советом. Кроме того, вы виновны в создании заговора против правительства Стеклянного города. Вы нарушили запрет на приближение к стене, трижды комендантский час, и предприняли попытку влезть в дела городского Совета, хоть не имеете на это никаких оснований. По кровной линии полно-

мочия советников не могут перейти к вам, поэтому вам также вменяется несанкционированное проникновение в устав города.

Я в ужасе выслушиваю речи Каса. Папу обвиняют едва ли не во всех смертных запретах. Попытка влезть в дела Совета? Организация тайных собраний? Заговор против правительства? Немыслимо. Я и представить не могла, что отец скрывал подобное. Лишь теперь понимаю, что они с Олдосом были заодно.

– Вам предоставляется последнее слово, – продолжает Кас. – Вам есть, что сказать?

Отец смотрит на меня, затем на Эль и улыбается.

– Скоро наш… то есть уже ваш мир изменится, – говорит он, обращаясь к толпе. Снова замечают нервное волнение в компании советников. – Справедливость восторжествует. Будьте сильными и тогда…

Отцу не дают договорить. Охранники подходят к нему и заламывают за спину руки. На передний план выходит глава Стекляшки, Теодор. Он что-то говорит Касу, и тот отходит назад, освобождая стойку с микрофоном. Теодор окидывает властным взглядом горожан, быстро разминает шею и начинает говорить.

– Перед вами на сцене стоят пять преступников, – произносит он сурово. – Трое из них сегодня отправятся в мир иной, и только двоих ждет помилование.

Моя голова больше не соображает, практически не чувствую своего тела. Хочется закричать, броситься на сцену и вымаливать прощение для папы и Олдоса, предложить себя в обмен на них. Но понимаю, что делать это бессмысленно. Да и жертва моя не нужна Совету. Ощущаю полное бессилие перед выдуманным кем-то много лет назад городским порядком. Смертная казнь – слишком жестокая мера для людей, вина которых, по сути, ничтожна и малозначительна.

Наш мир отказался от тюрем. Людей просто убивают и кремируют. Небольшая печь для сжигания трупов занимает куда меньше места, чем камеры для провинившихся. А наш город итак имеет слишком плотную застройку и довольно маленькую территорию. Думаю, что если бы в Стекляшке все-таки и была тюрьма, то в нее бы заключали каждого второго жителя. Да просто так. Чтобы другим неповадно было. Казнь в этом плане гораздо проще: убил и забыл. А содержащихся в тюрьмах преступников ведь нужно кормить, поить и одевать. Неплохая экономия получается. Да и смерть людей страшит куда больше, чем временное ограничение свободы. Вот и ходят все, как шелковые. Мы итак пожизненные заключенные. Только вместо металлических решеток – большая и высокая стена. У нас на всех одна общая камера. Камера под открытым небом.

Несмотря на то, что на отце и Олдосе больше обвинений, чем на остальных, стараюсь держаться за последние оставшиеся в душе крохи надежды. Двоим из черного списка казни сегодня сохранят жизнь. Возможно, это будут именно они. Но мой разум просит, чтобы я не обманывала ни себя, ни его. Снова плачу. Мы с Эль и Виктором сейчас единое целое. Они обнимают меня с двух сторон, словно боятся, что я могу рассыпаться. Чувствую, что действительно могу.

– Те, кого я назову, – говорит Теодор, – встаньте от меня по левую сторону. Остальных попрошу остаться на месте.

Внутри снова все замирает, я готовлюсь услышать вердикт градоначальника.

– Лея Суарес, Арон Пински, – произносит глава Совета. – Подойдите.

Арон с побелевшим от ужаса лицом послушно следует его указаниям. Лея держит за руку Игната, и не покидает своего места.

– Лея Суарес, – звучит требовательный голос Теодора.

– Я останусь здесь, – отвечает девушка.

Обвиняемых разделяют на две части. Одни получат смертельный укол в вену, вторых ожидает высечение прутьями и свобода. Нутром понимаю, кого Совет намерен отпустить,

а кого уничтожить. И Лея, судя по всему, понимает. Глава города недоволен тем, что ему противятся. Такое, скажу, бывает крайне редко. Он жестом подзывает к себе охранников, и те насильно забирают бьющуюся в истерике девушку. Лею отводят к Арону и удерживают на месте, заломив ей руку за спину.

Сердце бьется, как ненормальное.

– Лея и Арон, – говорит градоначальник. – В этом году Совет принял решение о вашем помиловании.

Чувствую, как в груди полыхает огонь, который невозможно успокоить. Он обжигает мои внутренности, оставляя за собой болезненный шок. Папа и Олдос вместе с Игнатом остались в группе тех, кто должен умереть. Из горла вырывается тяжелый стон. Из последних сил пытаюсь дышать, но чувствую, что задыхаюсь. Будто захлебываюсь собственным горем. Окончательно понимаю, что вижу отца в последний раз.

– Вина остальных слишком значительна, чтобы закрыть на нее глаза, – молвит Теодор. – Мне очень жаль, но вы приговорены к смерти.

Сквозь слезы едва замечаю, как охранники подходят к каждому из обвиняемых и встают рядом. Лею и Арона отводят к столбу для позорной порки.

– Папа, – кричу я и пытаюсь встать, но Виктор и Эль крепко держат меня с двух сторон, не позволяя совершить глупость.

Тем временем в руке одного из охранников появляется шприц с ядом. Первый, кого ждет смертельная инъекция – Игнат Симон. На другом конце сцены в конвульсиях бьется Лея. Она пытается вырваться и вернуться к своему возлюбленному, но ее удерживают два охранника. Девушка кричит, ей зажимаю рот, Лея кусается, ее бьют по лицу и она падает. Игнат ни жив, ни мертв, смотрит на нее с застывшей скорбью и страхом. Глаз печальнее я в жизни не видела. Он что-то шепчет ей на прощание. Разбираю едва слышимые слова любви, доносящиеся до моих ушей. Глава Совета кивает, охранник выпрямляет руку Игната и в его вену вводят смертельную дозу лекарства. Раздается пронзительный крик Леи, разрывающий молчание застывшего города, и Игнат замертво падает.

– Ненавижу, – вопит Лея. – Я вас всех ненавижу! Твари бездушные! Сволочи!

Глава города явно недоволен ее поведением. Кто-то из рабов решил заявить о своем праве на жизнь и подрывает его авторитет. На глазах у всего города. Лицо Теодора стало еще грубее и властнее. В два прыжка он оказывается возле Леи, выхватывает из рук охранника шприц и резко втыкает ей в шею, затем вводит яд и вынимает иглу. Изо рта девушки вылетает протяжный стон, и она падает без сознания, как несколько секунд назад ее возлюбленный. Горожане шокировано смотрят на сцену, в толпе проносятся напуганные вздохи. Остальные члены Совета и охрана тоже удивлены поведением главного. Когда градоначальник поворачивается лицом к людям, как по команде все замолкают.

Никто не хочет стать следующей жертвой дикого зверя.

– Она лишилась жизни за непослушание и угрозы, – говорит Теодор, словно оправдываясь. Его безумный взгляд вновь становится нормальным, смягчается. Однако в глазах по-прежнему суровость и властность. – Это непозволительное поведение, и я прошу вас всех помнить об этом.

Никто и не думает забывать.

Бросаю взгляд на отца и Олдоса. Погибли два человека, возможно, Совет пощадит кого-то из них. В душе вновь появляется надежда, но в тот же миг исчезает. Теодор опять подает сигнал охранникам. На этот раз они вводят яд Олдосу. Свой последний взгляд он адресует мне. Он улыбается и задорно подмигивает, словно не боится смерти. Словно знает, что после укола его ждет что-то по-настоящему хорошее, доброе и прекрасное. Может, он отправится в рай? Сердце сжимается, левая сторона моего тела вновь немеет, рука отнимается, и я ее больше не чувствую.

Бездыханное тело Олдоса падает на деревянную сцену. Он сильно ударяется головой, раздается громкий звук. Но дядюшка больше ничего не чувствует, в отличие от тех, кто остался. Вижу, как Кас закрывает рот руками, чтобы не закричать. Из его глаз водопадом хлыщут слезы. Он стоит на месте, поскольку знает, что не должен подходить к казненным. Даже если это его родственники. Его брата Валентина, кажется, произошедшее совсем не волнует. Он лишь однажды посмотрел на Олдоса, но в его взгляде не было горя или сожаления. Словно это его не касается. Замечаю, что многие люди вокруг меня тоже плачут. Равнодушных практически нет. Олдоса любили все, он был замечательным человеком.

На сцене остался лишь папа. Он последний в черном списке этого года, кому суждено попрощаться с жизнью. Я плачу, не в силах сдерживать слезы. Эль плачет, Виктор плачет. Даже Питер, взгляд которого я вновь ловлю, не пытается скрыть мокрых глаз. Сегодня самый страшный день в моей жизни, и сейчас произойдет самое ужасное событие, которое расколет мою жизнь на до и после.

– Папа, – снова кричу я.

Отец смотрит на меня долгим нежным взглядом и вытягивает руку вперед, закатывая рукав. На его губах легкая прощальная улыбка, в глазах, как и у всех смертников, – обреченность.

– Пообещай, что будешь счастлива, – кричит он мне.

Это его последние слова.

Проглатываю слезы и хрипло кричу в ответ:

– Обещаю.

Лицо становится спокойным и умиротворенным. Через секунду он умирает. Эль вцепляется в мою руку и сильно сжимает, чувствую, как ногти больно впиваются в кожу. Как ни странно, это меня немного успокаивает. Я больше не плачу и теперь просто тупо пялюсь на сцену, я в трансе. Охранники проверяют пульс у казненных, убеждаются, что яд подействовал, и по очереди убирают тела погибших. Их складывают в телеги и отвозят в крематорий. Скоро от них не останется и следа. Словно не было никогда в этом мире папы, Олдоса, Игната и Леи. Теперь в Стеклянном городе четыре тысячи девятьсот девяносто девять человек.

К Арону, единственному оставшемуся в живых преступнику, постепенно возвращается румянец. Его ждет прилюдная порка, невероятно болезненная и жестокая, но он останется жив. И сейчас это для него – главное. И для его семьи, которая сидит где-то в дальних рядах и облегченно вздыхает. У Арона большая семья: родители, дети, жена. У меня осталась лишь Эль. Но родных по крови у меня больше нет, и по сути своей теперь я сирота. Через месяц мне стукнет восемнадцать. С этого возраста в Стекляшке разрешается жениться и заводить детей. Этакое совершеннолетие. Хотя работать мы вынуждены с десяти. В современном мире люди взрослеют гораздо быстрее, чем в древности, о которой рассказывал нам Олдос. У нас просто нет выбора.

Когда сцена очищена от трупов, наступает время для последней казни единственного выжившего. Арона прижимают лицом к позорному столбу – так называют его члены Совета – и спиной к зрителям. Его руки обхватывают столб и их крепко связывают. Такой же участи удостаиваются и его колени. Благодаря этим креплениям, жертва порки не сможет сползти вниз, когда обессилит.

Высечение прутьями – зрелище ужасающее, но нам запрещено отворачиваться. Горожане должны знать наглядно, что их ожидает в случае неподчинения воли Совета. Если находится тот, кто хотя бы на секунду закроет глаза – охранники внимательно за нами наблюдают – его может ожидать место в очереди к позорному столбу. Как правило, таких отчаянных не бывает, и все мы вынуждены глазеть на это кровавое зрелище.

Исполнитель берет в руки прутья и подходит к Арону. Удар за ударом на его оголенной спине появляются красные пятна, полосы, следы от деревянного хлыста. Арон терпит, пытается

не показывать свою боль, но я представляю, как ему сейчас тяжело. Высечение длится довольно долго, даже не представляю, сколько времени проходит с момента его начала. Минут пять? Десять? Больше? На коже Арона выступает кровь, вскоре ее становится много. Окровавленные прутья с каждым взмахом разносят красные капли по сцене, некоторые долетают до зрителей из первого ряда. Вижу, как сидящий впереди маленький мальчик вытирает лицо, и на его руках оказывается кровь несчастного казненного.

Не могу оторвать взгляд от Арона, смотрю, словно завороженная, и понимаю, что, возможно, смерть гораздо лучше, чем такое испытание. Сомневаюсь, что смогла бы вытерпеть подобную боль. Ведь даже смотреть на него сейчас мне нестерпимо больно. Вскоре Арон заметно ослабевает, его тело покидают жизненные силы, и он теряет сознание. Крепко привязанные ноги и руки не позволяют ему упасть. И когда советники понимают, что бедняга получил сполна, охранники его развязывают. Арона уносят со сцены.

Когда он придет в себя, его раны, скорее всего, будут уже обработаны. Но жестокость городской власти на этом не закончится. Едва живому после позорной порки Арону не позволят оправиться от травм, и завтра он будет должен вместе со всеми пойти на работу. И не важно, как он при этом будет себя чувствовать. И даже если он умрет посреди дня на глазах у своих учеников, Совет проигнорирует. И это в очередной раз докажет главную истину: не нарушай установленные запреты.

Арона уносят со сцены. К микрофону вновь выходит Теодор. На этот раз он улыбается, церемония казни официально закончилась. Вскоре все разойдутся по своим домам, но сейчас жителей Стекляшки ждет традиционное поощрение. Хотя, думаю, все-таки это подкуп. Прежде, чем объявить о начале раздачи праздничных угощений – казнь в понимании советников тоже праздник, – глава города решает выступить перед нами с заключительной речью.

– Спасибо всем за то, что сегодня присутствовали на церемонии, – говорит он.

Ха! Как будто у людей был выбор.

– Прошел еще один год со времен начала новейшей эры. Славный год. В завершении этого ежегодного мероприятия хочу вновь выразить надежду на то, что в следующий раз на эту сцену не поднимется ни один из вас. Наш город, единственный выживший город на земле…

Не выдерживаю и заливаюсь истерическим смехом. Мои вопли нарушают массовую тишину и прерывают речь градоначальника. Он смотрит на меня с недоумением. Тут же представляю, как он несется ко мне со шприцом наготове и вонзает ядовитую иглу прямо в шею, как только что Леи. Избавиться от всех, кто не согласен. Ничтожество. От фразы «единственный выживший город на земле» начинает подташнивать. С самого рождения нам твердят одно и то же. Нам врут, чтобы удержать в этой наполовину открытой клетке без верха. Ах, если бы только у меня были крылья…

Взгляд Теодора гневный, он пронзает меня насквозь, но я его больше не боюсь. Прямо сейчас я готова встать и рассказать жителям Стекляшки о том, что знаю. О другом городе, о других людях. Конечно, при этом меня будет ожидать участь отца и Олдоса. Но кому теперь есть разница до меня? Мне и самой теперь себя не жалко. Когда мое безумие доходит до предела, и я чувствую, как руки упираются в землю, чтобы поднять мое тело на ноги, ощущаю цепкую хватку Виктора. С другой стороны меня удерживает Эль. Смотрит на меня испуганным взглядом.

– Ария, – шепчет сестренка, – что ты делаешь?

Слышу голос сестры и понемногу прихожу в себя.

– Мне страшно, – произносит она.

Ее распухшие от слез глаза смотрят на меня так беззащитно и жалостливо, что мое сердце вновь раздирает отчаяние. Папа. Олдос. Они погибли. У этой девочки осталась лишь я, и ради нее я должна вести себя безопасно. Как и просил дядюшка. Пелена безрассудства исчезает, и я окончательно возвращаюсь к реальности.

Замечаю на себе удивленные взгляды соседей, некоторые смотрят с жалостью. Помешалась с горя бедняга, говорят они безмолвно. И это действительно так. Глава Совета все еще молчит, и я поспешно извиняюсь. Он заметно возмущен моей дерзкой выходкой, но когда понимает, что я – дочь только что казненного Серафима Вуда, немного смягчается. Он продолжает свою речь, периодически недоверчиво косясь на меня. И каждый раз от его взгляда мое лицо делается каменным.

– Вы должны помнить, что нельзя нарушать правила, – вновь повторяет Теодор. – Казнь – это жестоко, и мы это прекрасно понимаем. Мы бы не хотели, чтобы она существовала. Но, увы, это неизбежно. Церемония необходима для очищения нашего города, единственного оставшегося в живых места на планете, от недостойных людей. От тех, кто не хочет соблюдать порядок и работать на общее благо. От неверных и опасных. От преступников. Наше общество должно быть чисто и прозрачно, а граждане – порядочны и честны. В мире не должно быть места лжи, скрытности и предательству. Порядок – основа выживания.

Когда градоначальник вновь произносит пропитанные ложью слова о последнем живом месте на планете, он бросает долгий взгляд на меня. Замечаю в нем подозрения. И почему-то в этот раз мне становится страшно. Вскоре он распоряжается о начале празднования, люди встают со своих мест и разбредаются по парку. В разных его частях расставлены палатки с угощениями. Сегодня их выдают не по талонам, поэтому в желающих набрать пирогов и ватрушек с компотом, отбоя нет. Я устало плетусь домой, за мной по пятам идет Эль. Думаю, что Виктор тоже с ней, но мне слишком тяжело повернуть голову и посмотреть.

На пороге дома спотыкаюсь о торчащий из земли корень и падаю, ударяясь подбородком о стеклянную ступеньку. Сил встать нет, но мне на помощь приходят чьи-то крепкие руки. Они в два счета возвращают меня на ноги. Открываю глаза и вижу Виктора.

– Спасибо, – шепчу я.

Он обхватывает меня за талию и забрасывает мою руку к себе на плечо. Я ощущаю, как силы уходят из тела, но все еще пытаюсь волочить ноги. Когда Виктор понимает, что это бесполезно, он берет меня на руки, и осторожно поднимается по лестнице. Через несколько минут я уже лежу в своей кровати. Рядом Эль, у плиты суетится Виктор.

Засыпаю.

Когда открываю глаза, на улице уже темно. Комендантский час еще не наступил, понимаю это, глядя на соседей через стеклянные стены. Бросаю взгляд на квартиру Олдоса. В ней темно и пусто. Свет не горит, внутри никого нет. Эль и Виктор все еще со мной. Когда они замечают, что я проснулась, сразу же бегут ко мне.

– Поесть хочешь? – спрашивает Виктор, поднося мне стакан с водой.

Я делаю глоток прямо из его рук и отрицательно мотаю головой. Смотрю на кровать отца у дальней стены, и слезы невольно вытекают из глаз. Папа всегда был аккуратным и чистоплотным. Его постель заправлена, на покрывале ни складочки, подушка взбита, на тумбочке рядом стоит наполовину наполненный стакан с водой. Папа часто просыпался по ночам, чтобы попить. У входной двери стоят его домашние тапочки, на крючке висит рабочая одежда. Больше он ее никогда не наденет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.